

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the IX international scientific conference
on September 20–21, 2019

Prague
2019

Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects: materials of the IX international scientific conference on September 20–21, 2019. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. – 73 p. – ISBN 978-80-7526-407-7

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor (Penza, Russia).

Umidjon R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan).

Nataliya Khristova, doctor of history, associate professor on the theory and history of culture of the art studies and history of culture department in the New Bulgarian University.

Nikolay V. Shimanskiy, candidate of art studies, assistant professor of the theory of music department in the Belarusian State Academy of Music.

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Svetlana N. Shumakova, PhD in Arts, senior lecturer of Kharkov State Academy of Culture.

Iona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines traditional and modern culture. Some articles deal with ethical and environmental aspects of culture. A number of articles are covered a game and game culture. Some articles are devoted to reflection of the different art forms in modern culture. Authors are also interested in cross-cultural communication and issues of interaction of cultures in a globalizing world.

UDC 008

ISBN 978-80-7526-407-7

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2019.
© Group of authors, 2019.

CONTENTS

I. ETHICAL AND ENVIRONMENTAL ASPECTS OF CULTURE

Kolosova O. Yu.

Ecological culture: revisiting the problem statement 6

II. SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL-LEGAL ASPECTS OF THE CULTURE

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

Conditions in airline industry from the perspective of the rising activity of arabian airlines 10

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

Differences between intrinsic and extrusive motivation within work environment 12

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

The concept of leadership – the success of the phenomenon of born global companies 14

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

Theoretical and legal aspects regarding waste management 16

III. TRADITIONAL CULTURE AND ITS HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION, USE AND DEVELOPMENT

Атаханова В. Р.

О новом переводе “Книги моего деда Коркуда” 19

Рузимбаев С. Р., Сабирова Н. Э.

Эпические певцы-сказительницы..... 22

Рузимбаев Х. С., Атаджанов С. С.

Хорезмские сказительские школы 24

Фомченко Е. В.

Изменения в танцевальной культуре России XVII–XVIII вв. 26

Маткулиева М. Ф.

“Шахриёр” достонидаги демонологик образлар 31

Норбоев Ў. С. “Асил ва Карам” достонининг генезисига доир	34
Раимова Н. А. Туркий халқлар шеърляти В. М. Жирмунский талқинида	36

IV. THE GAME AND GAME CULTURE, PAST AND PRESENT

Петрушина Е. А. Обереговая функция традиционной русской народной куклы.....	39
---	----

V. THE REFLECTION OF THE DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE

Danilova A. V. The main trends in the development of modern Russian opera.....	45
Дахновская А. С. Слагаемые языка выразительности циркового искусства	47
Редкозубова С. А. К вопросу о методологии исследования феномена семейного театра.....	49

VI. INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE

Гасанова С. Г. Публицистическое наследие Гусейн Джавида.....	51
Гулиева Г.Д. Печать в период Азербайджанской Демократической Республики	53
Медведева О. В. Формы использования архивных документов на современном этапе	55

VII. CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND ISSUES OF INTERACTION OF CULTURES IN A GLOBALIZING WORLD

Goncharov V. N. Cross-cultural communication in the modern age of globalization	58
Kozhukhar A. Reflection of oriental cultural borrowings in Russian arts and crafts.....	61

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2019 году.....	69
Информация о научных журналах	70
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	71
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	72

I. ETHICAL AND ENVIRONMENTAL ASPECTS OF CULTURE

ECOLOGICAL CULTURE: REVISITING THE PROBLEM STATEMENT

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Stavropol branch of Krasnodar university
of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. The source of society's ecological culture (as a process) is a contradiction between nature and a society that has created a global environmental problem. The key contradiction, which is a source, at the same time is a fundamental cause of ecological culture at all stages of historical development of the mankind.

Keywords: nature; society; human; culture; moral values; environmental education.

To overcome global problems of modern times caused by contradictions in the human-nature-society system, it is necessary to create and develop ecological culture. The need for the formation of ecological culture as a decisive factor in the harmonization of relations between society and nature is becoming increasingly urgent [14, p. 39–44]. There are three important aspects of the harmonization of relationship between nature and society: harmony of development of knowledge of the surrounding world; harmony of the creation of the "external" environment; harmony of the "internal" environment.

Within this framework, conflict resolution between a human and nature is possible in the ways of harmonization of relation between a human and nature in three spheres: transformative, cognitive and ethical-aesthetic. The formation of ecological culture is a complex, multidimensional, long-term process of affirming in the mode of thinking, feelings and behavior of people of all ages; personal, moral and political attitudes, social and moral values, norms and requirements, rules and habits, implementation of which will ensure sustainable quality of the environment, ecological safety and rational use of natural resources [10, p. 37–40]. Ecological culture implies a formation of spiritual and moral qualities of an individual; is expressed in the ability of people to use consciously their environmental knowledge and skills in practical activities, the ability to act according to conscience in communication with nature and people; can become a reality only as a result of continuous environmental education and awareness of people of all ages, social and professional groups on a traditional spiritual and moral basis [11, p. 29–31]. Ecological culture is a level of human

perception of nature, world and an assessment of their position in the universe, an attitude of a human towards the world. It should be noted that we mean not a human – world attitude, which also implies feedback, but only human's attitude towards the world and wildlife.

To consider the genesis of ecological culture, it is necessary to determine its nature, laws of creation and development, potential and tendencies [9, p. 123–128].

Ecological culture is a synthesizing and active extension of general culture. It includes a system of moral values, norms, social relations and ways in which a society interacts with the environment [7, p. 139–144]. When considering this phenomenon, one cannot ignore approaches established in philosophy of culture towards understanding culture in general [1, p. 83–86]. The categories that make up a concept of ecological culture, as well as their dialectical correlation, must be considered before achievement of objectives.

A combined concept of ecological culture of society expresses a unity of culture and ecology [5, p. 43–46].

Ecological culture characteristic (as a system) lies in a fact that it has communication and symbolic origin [2, p. 142–145]. As they say culture generally includes everything that, within a framework of symbolic communication, is fixed in the form of system of signs [4, p. 118–124].

Ecological culture is a self-organizing, highly organized system and therefore has a high degree of adaptation to changing conditions, which acts as a blocking of those components that threaten its existence. Its structural bonds are strong enough to preserve invariance. The stability of culture as a system is ensured by the preservation of need for spiritual activity, a system of universal human values [3, p. 80–85]. One can talk about a transition to culture approaching to special integration unity, which seeks to preserve traditional values and takes into account new realities related to the means of communication [15, p. 82–89].

Ecological culture is a synthesizing and active extension of general culture. It includes a system of moral values, norms, social relations and ways in which a society interacts with the environment. Ecological culture acts as a social phenomenon. Out of society it cannot exist [6, p. 27–30].

Analysis of culture and ecology dialectic leads to a conclusion that, on the one hand, they act as opposites, between which there is a struggle, objectively leading to destruction of nature, protection of which is a main task of ecology, and on the other hand – a unity [16, p. 241]. The unity of the studied contrasts is as follows.

First, it lies in the mutual settlement of ecology and culture. Ecology as a science is an integral part of spiritual culture, and ecological activity is a form of praxiological component of culture, a purpose of which is to create, preserve, master and disseminate social values.

Secondly, in the given phenomena convergence. Ecology influences culture, in other words, there is a process of ecologization of material and

spiritual values. On the other hand, it depends on a level of development of culture, values of which affect environmental science. An activity of such convergence is due to a need for co-revolutionary agreement between opposites with an ultimate common goal – to contribute to the progressive development of the mankind [13, p. 73–78].

In terms of theory, ecological culture began to form as a studying and a system of knowledge about the laws of development of nature, society and thinking since the early 1980s. Ecological culture is based on such fundamental concepts as a human and nature, as well as a complex vector of dynamics of their social development [8, p. 18–22]. This leads to the conclusion that it is necessary to study a human, nature and a society as elements of a unified system of interaction. In other words, systemicity is a prerequisite for the study of a human in nature and a society [12, p. 282–284].

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Концепция «информационного общества»: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2009. - № 1. - С. 43-46.
6. Гончаров В. Н. Социальная концепция информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. - № 6-2 (12). - С. 27-30.
7. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
8. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
10. Камалова О.Н., Джиеова Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
11. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - №6. - С. 29-31.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.

13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

II. SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL-LEGAL ASPECTS OF THE CULTURE

CONDITIONS IN AIRLINE INDUSTRY FROM THE PERSPECTIVE OF THE RISING ACTIVITY OF ARABIAN AIRLINES

E. Sielicka
A. Choma
D. Kowalczyk

PhD candidate,
PhD candidate,
PhD candidate,
Wroclaw University of Economics,
Wroclaw, Poland

Summary. Over the past few years, Arab airlines, especially from United Arab Emirates, have achieved the position of one of the world leaders in air transport. Their clients appreciate the highest quality of their services, which has a significant impact for market share and the airline industry, at all.

Keywords: airline industry; Arabian airlines; terms and conditions.

Nowadays air transport is becoming more and more important. Thanks to the increasing connectivity from the 1990s, the global economy increased by about 200 \$ bln. As a country air transport industry would be placed in the 19th position. It brings about 711\$ billion of world's GDP, therefore it gives similar results as in Poland or Switzerland. Moreover, in recent years about 35 % of world trade value was transported by air. Although the annual passenger traffic is growing, industry profits' are decreasing. The main reasons of this situation were the economic conditions and the rising prices of fuel. World economic crisis, which started in 2008, is having a significant impact on profits and losses in this industry. In spite of these circumstances the amount of premium class passengers is rising faster than in economy class. It brings new opportunities for airlines which operate in long-haul distances. In the situation where European airlines are suffering from low profits or losses, the emerging markets in Asia and Middle East get a chance to strengthen their positions [6].

In the recent years the intensified activity of the Arabian Gulf in airlines industry has been noticed. The most significant actions of these companies take place between European and Asian destinations. It means that present environment in this industry is changing. This paper presents a review of conditions in airline industry caused by the raising activity of the Arabian airlines.

The significance of air transport is noticeable in the number of journal articles and researchers focused on a range of issues related with this theme. The scope of this phenomenon is accurately presented by Ginieis et al. (2011). From 2001 the number of academic articles reaches more than 100 publications per year. For the last few years some researchers have become more interested in the

consequences of Arabian Gulf development. O’Connell (2011) describes Arabian Gulf in the context of the three most important airlines from the Middle East: Emirates Airlines, Qatar Airways and Etihad Airways. The presence of these players is mostly visible in the destinations between Europe and Asia. Moreover, O’Connell pointed out that the “three of the fastest growing full service airlines in the world” which have the most significant influence on industry have their seats in Emirates. Grimme’s (2011) publication also explores the impact of the Arabian airlines’ growth on Germany. These researchers show that from the year 2000, when Emirates started its operations from Germany to Asia, the passengers’ traffic via Dubai has rapidly increased. This situation, however, poses a threat to Lufthansa position, but still LH seems to be able to keep their customers thanks to the developing services and increasing capacity. The additional intriguing results have been given by Grimme’s et al. (2011) precise study, which was focused on the influence of Emirates Airlines on German economy. It shows positive effects of these airlines’ activities, such as stimulating tourism, additional value added in German GDP and customers’ benefits from the competition. In order to deal with such high competitive industry environment, airlines are joining their interests in global alliances. Smaller players are becoming to have a lot of interests to key players for future acquisition and merger plans [2]. Although most of the Middle East airlines’ analysis pointed the importance of Emirates growth, the significance of Qatar Airways in these areas should not be skipped. Researchers are rarely concerned with this company, because of its investment strategy and profile, which prohibit the publication of corporate data. This unusual, for such companies, policy is based on the shareholders profile (50 % government, 50 % private equity). The importance of these airlines is shown by Craven’s (2005) interview with Akbar Al Baker, the most significant Qatar Airways shareholder. Qatar Airways does not publicise its annual reports and others investors relations, only very few data about company might be find in company’s and oneworld’s websites.

As it was pointed by numerous researches competition from Arabian airlines has significantly increased in recent years [1]. However according to recent research in German market and influence of Emirates development on Lufthansa operations [4] there is no need of using aggressive competition strategy. What is more, IATA (2017) forecasts for future air traffic shows that situation in this industry could bring profits for all players.

Bibliography

1. Craven, A., 2006. An interview with Mr Akbar Al Baker: The 2005 Airline Personality of the Year. *Strategic Direction*, 22 (6), pp.25 – 28.
2. Gaggero, A., A., Bartolini, D., 2012. The Determinants of Airline Alliances *Journal of Transport Economics and Policy*, 46 (3), pp. 399-414.
3. Ginieis, M., Sánchez-Rebull, M., Campa-Planas, F., 2012. The academic journal literature on air transport: Analysis using systematic literature review methodology. *Journal of Air Transport Management*, 19, pp. 31-35.

4. Grimme, W., 2011. The growth of Arabian airlines from a German perspective – A study of the impacts of new air services to Asia. *Journal of Air Transport Management*, 17 (6), pp. 333-338.
5. O’Connell, J.F., 2011. The rise of the Arabian Gulf carriers: An insight into the business model of Emirates Airline. *Journal of Air Transport Management*, 17(6), pp. 339-346.
6. IATA, 2018. Annual Review 2017. [online] IATA. Available at: <http://www.iata.org/pressroom/Documents/annual-report-2018.pdf> [access: 30.02.2019]
7. IATA. Official Webpage [online] www.iata.org/ [access: 20.02.2019].

DIFFERENCES BETWEEN INTRINSIC AND EXTRUSIVE MOTIVATION WITHIN WORK ENVIRONMENT

E. Sielicka

A. Choma

D. Kowalczyk

PhD candidate,

PhD candidate,

PhD candidate,

Wroclaw University of Economics,

Wroclaw, Poland

Summary. What motivate people to work? What is Extrinsic Motivation and how it works? And how about Intrinsic Motivation? There are several ways of encourage people to do something and in the following article, authors want to present the basics of extrinsic and intrinsic types of motivation.

Keywords: intrinsic motivation; extrusive motivation; motivation to work.

Motivation drives people to work. We all need impulses that stimulate us to action. Every person reacts to other incentives, but all sources of motivation of human behavior can be reduced to two types: extrinsic and intrinsic motivation [8]. The aim of this paper is to analyze differences between intrinsic and extrusive motivation within work environment.

Intrinsic motivation is driven by satisfaction from taking the tasks and reaching goals. A person, who is a motivated internally, is doing something with the internal needs. People motivated intrinsically want to enjoy their work, they like challenges [7]. For them carriers are learning experiences. Thank to these factors they achieve personal fulfillment. They are enjoyed when they achieve goals. The implementation of specific activities or effect gives more satisfaction than material prize. Examples of human behavior motivated internally include for example learning for self-knowledge, participation in the street marathon to improve health or giving bread to hungry person and voluntary work [1]. Somebody who writes a blog for curiosity and has fun from sharing information is intrinsically motivated. As well as when somebody learn to play a game and spend a lot of time to do it, because it is exciting. Peoples motivated impractically enjoy from skill development and competency, they are look for excitement and personal accomplishment [4].

Extrinsic motivation is opposite of external motivation. This motivation comes from outside an individual. Extrinsic motivation is motivation oriented towards benefits. Externally motivated people perform the specified actions because they are waiting on a prize for example: pay, conditions, bonuses, promotional opportunities, good grade, etc. [2]. External motivation is also doing something just to avoid punishment. People, who are extrinsically motivated to do something, are not concerned on the fact that, the work is or not enjoyable. They are focused on the outcomes associated with the work [5]. Examples of behaviors of people externally motivated is like work undertaken for the salary or bonus, participating in a street for six from PE lesson, learning only for degree or sale bread to hungry person. Higher commission percentage, entrance to programs or schools, grades, discounts, medals, trophies and money are examples of extrinsic motivation. Parents use prizes and bribery to encourage their children, in schools are grades, shops use discounts cards and in corporations are bonuses and commission. People who are motivated to behave, work, achieve and learn not because of fun but based more on outcomes are extrinsically motivated [3].

The fact is that peoples are motivated both intrinsically and extrinsically. There is always a mixture of factors which influence on our actions, achievements, behaves and reactions [3]. It will be hard to find people in commercial organization that will be working only for enjoyment and do not care about salary. On the other hand also a lot of people change their job, because they are not satisfied from their work. For most employees the most important is balance between salary and fulfillment from work [6]. To sum up, both intrinsically and extrinsically motivation have influence on peoples' actions. It is important to achieve a balance between these two types of motivation factors. Personality often determinate if external or internal factors have stronger impact on peoples' motivation.

Bibliography

1. Burani, N. and Palestini, A. (2016) 'What Determines Volunteer Work? On the Effects of Adverse Selection and Intrinsic Motivation', *Economics Letters*, 144, pp. 29–32.
2. Chang, E. (2003) 'Composite Effects of Extrinsic Motivation on Work Effort: Case of Korean Employees', *Journal of World Business*, 38(1), pp. 70–79.
3. Frey, B. S. (1997) 'On the Relationship between Intrinsic and Extrinsic Work Motivation', *International Journal of Industrial Organization*, 15(4).
4. Gheitani, A. et al. (2019) 'Mediating Effect of Intrinsic Motivation on the Relationship between Islamic Work Ethic, Job Satisfaction, and Organizational Commitment in Banking Sector', *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*, 12(1), pp. 76–95.
5. Kuvaas, B. et al. (2017) 'Do Intrinsic and Extrinsic Motivation Relate Differently to Employee Outcomes?' *Journal of Economic Psychology*, 61.
6. Lukes, M., Feldmann, M. and Vegetti, F. (2019) 'Work Values and the Value of Work: Different Implications for Young Adults' Self-Employment in Europe', *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 682, pp. 156–171.

7. Lanfranchi, J., Narcy, M. and Larguem, M. (2010) 'Shedding New Light on Intrinsic Motivation to Work: Evidence from a Discrete Choice Experiment', *Kyklos*, 63(1), pp. 75–93.
8. Stanek, R. and Krcal, O. (2019) 'Time Preferences, Cognitive Abilities and Intrinsic Motivation to Exert Effort', *Applied Economics Letters*, 26(12), pp. 1033–1037.

THE CONCEPT OF LEADERSHIP – THE SUCCESS OF THE PHENOMENON OF BORN GLOBAL COMPANIES

E. Sielicka

A. Choma

D. Kowalczyk

PhD candidate,

PhD candidate,

PhD candidate,

Wroclaw University of Economics,

Wroclaw, Poland

Summary. Leadership could be understood as the ability to influence an individual or group in order to achieve specific effects. It is worth to know, how the successful companies deal with it and learn from them. Especially, from the global companies, which created international Human Resources management standards.

Keywords: leadership; leader; Human Resources management; global management.

Globalization is a real process taking place in most companies in the world [2]. The purpose of this article is to show the role of the leader in the globalization process of the enterprise. In the current reality, the leader is not only the one who offers the highest quality products, but the one who is first. Opposite these challenges, contemporary born global companies are emerging. These companies have restructured internationalization strategies to catch up with today's rushing world. Currently, the globalization process is perceived as an attractive idea, giving development opportunities and thanks to which there are possibilities to solve insurmountable problems without extensive international cooperation [1]. Until the 1980s, there was a dominant belief that each enterprise first develops on the domestic market, and only when it reaches the right turnover and position on this market can it try to enter foreign markets. Currently, everything can be produced and sold anywhere in the world [4]. The phenomenon of accelerated (early) internationalization limits the use of existing theoretical achievements in the field of internationalization. Sequential models such as the Uppsala model have been completely eliminated in this theory. Foreign expansion here is not preceded by success in the internal market and long-term breaking of the mental (cultural) distance between the domestic market and foreign markets. In this case, the essence of their activity is broadly understood innovation. Specific resources, including innovation, proactivity, risk resistance, global vision, knowledge and international management experience create a competitive advantage in the global market. The process of early globalization begins with the company's leader, its owner or management,

who has special knowledge and qualifications. Identifies the needs of the international market and finds the use of innovative solutions. He has a vision of a global market in which his company operates and creates real business opportunities to apply innovative ideas. Without such a vision of the head of the company, rapid internationalization becomes impossible, the idea does not find an attractive market and is rejected. Leader's global development opportunities are mainly derived from the nature of the market, in particular the niche in which the company operates. They are born much earlier and the needs are identified by a small number of clients concentrated in different parts of the world. It is also possible that the market in which the company operates has a very large number of customers, but the presence of global competition is very strong in it. In this case, the entrepreneur must take swift action to introduce his product early enough and win this fight against competitors. In both cases, the company's values are derived from the nature of the market, and early internationalization is necessary to meet its needs. The leader identifies the resources necessary to implement the project and finds the appropriate people who have them. For tasks that are international in nature, the criteria for selecting the right shareholders are very accurate. The leader's experience provides him with the necessary knowledge about the current situation, abilities and experience of possible colleagues. The selection process begins in the search for the right people from the company's boss's environment, but if they are not identified, the born global entrepreneur is looking for the right people in a wider environment, also in an international environment, via the Internet or international fairs and conferences. Searching for colleagues has no limits, only the best results in the area of quality, efficiency and the cost of their work count. Geographical distance plays no role. The high value of the company is created through the participation of the right people. A rigorously selected network of colleagues assures them of the important role they play for the company, which increases their responsibility for the efficiency and quality of services they offer. Strategic areas of activity are based on them, which means that they are forced to focus on the company's development. Owners of born global companies participate in alliances and various types of partnership at the R&D level, which increases production and financial efficiency, provides key resources necessary for further development and emphasizes their presence in the enterprise network. The functioning of individual members in the network is nowadays easier thanks to the internet and changes in the habits of enterprises. If the undertaken actions do not bring adequate results, the head of the born global company is looking for new solutions and combinations of other possible resources. This way of operating enables the identification of new colleagues and shareholders, and stimulates creativity and innovation.

Bibliography

1. Bielański, S., Biernat, T., (red.), Wokół problematyki integracji europejskiej, Wyd. Adam Marszałek, Toruń 1999.

2. Maśloch, R., 2005, Globalizacja i jej wpływ na rozwój współczesnej cywilizacji, przedsiębiorczość – edukacja nr 1/2005, przedsiębiorczość a współczesne wyzwania cywilizacyjne, Kraków.
3. Servantie, V., 2011, Why and how do Born Global firms internationalize early and rapidly? From the Business Model perspective.
4. Thurow, L. C., 1999, Przyszłość kapitalizmu, Wyd. Dolnośląskie, Wrocław 1999.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS REGARDING WASTE MANAGEMENT

E. Sielicka
A. Choma
D. Kowalczyk

PhD candidate,
PhD candidate,
PhD candidate,
Wroclaw University of Economics,
Wroclaw, Poland

Summary. Nowadays, the interest of the ecologists has been still increasing. There are several reasons of such a trends – starting from the raising people's awareness of environmental protection, through sustainable development, and finishing on the potential savings aspects for being „fair” for the environment. In the article, authors want to introduce the readers the subject of theoretical and legal aspects regarding to the waste management.

Keywords: ecologists; ecology; waste management.

In recent years, there has been an increase in logistics interest in the topic of waste management, which has led to the emergence of a new field of logistics – ecology. Its basic function in relation to the natural environment, it is the neutralization or recycling of various types of waste arising during production, in the process of supplying production, distribution, and after-sales service and operation [1]. Reverse logistics tasks are focused primarily on after-sales and waste management services. This is very important because in the future the packaging problem may become the main problem facing logistics. This is due to the fact that in some industries, packaging represents a large percentage of the value of the packaged goods, e.g. confectionery packaging can constitute 30 % of its value, and in the case of cosmetics and pharmaceuticals as much as 60 %. Packaging is also very important in the transport of goods – as much as 40 % of damage in the distribution process is caused by inadequate packaging. For this reason, the challenge for logistics is to create a package that combines functionality, meets environmental requirements and is cheap [2]. Another factor that can significantly increase the importance of reverse logistics is the marketing aspect and increase of consumers' ecological awareness. Currently, social campaigns and advertising place great emphasis on environmental issues. Buyers are more likely to buy products whose packaging, is suitable for recycling or recycled. The share of the services sector in the economy has also increased in recent years. This is tantamount to increasing the

importance of after-sales customer service, logistics services related to the management of returned parts, warranty support and customer service. This is a great opportunity for the development of reverse logistics.

Growing problems with the increasing amount of waste from year to year and problems with their storage have been reflected in international and national legal acts regarding waste management. Regulations regarding the resolution of this issue are created at both global, as well as central and local levels. The basic instrument regulating environmental problems is international environmental law. It contains standards whose purpose is to control and regulate pollution and other activities harmful to the environment. It also includes all provisions aimed at preventing, minimizing and counteracting environmental risks. Its task is to create regulations that compromise the principle of sovereignty of states and the need to use one common natural environment, as well as the need for socio-economic development. The need for cooperation resulting from the growing ecological awareness of states and growing threats to the natural environment was reflected in the United Nations 1st Conference on the Environment organized in Stockholm in 1972. During it, the so-called To date, the Stockholm Declaration is the substantive core of international environmental law. Environmental issues were also raised in the Treaty of Rome, where on February 17, 1986 the chapter "Natural environment" was added. Later, the provisions of this act were strengthened and confirmed in the European Union Constitution, and sustainable development was recognized as its principle. The result was the creation of about 90 directives and regulations as well as other environmental regulations and decisions, and 100 other directives were harmonized with the requirements of environmental protection. Currently, international legislation in the field of environmental protection is one of the fastest-progressing codification and development of international law in the history.

The current EU system for ecological policy is divided into four elements:

- original European Union law,
- European Union directives,
- international agreements in the field of environmental protection,
- ecological national policy pursued by individual countries.

European Union member states are obliged to take measures to prevent deterioration of the natural environment. In this purpose, all countries are required to cooperate with each other in controlling the level of pollution, reducing the amount of waste generated, its utilization and environmentally safe collection. Cooperation in this area is primarily based on standardization of regulations, training programs and exchange of experience. Over the past 25 years, the European Union has adopted many legal acts in the form of directives and ordinances, which have become a reference point for many countries.

The basic rule in the field of environmental protection law in the European Union, in addition to the principle of preventing waste, is the principle

that the cost of waste disposal is primarily borne by the producer. This is directly related to the concept of clean production. In addition, the main purpose of legal acts adopted by the European Union is to restore the natural environment and its protection.

On the basis of legal acts, five main principles in the field of waste management, which the European Union strategy covers, can be mentioned as:

- waste prevention through the use of appropriate technologies and products,
- use of recycling,
- optimal, final waste disposal,
- introduction of regulations regarding waste transport,
- applying remedial measures to the environment.

In addition, one of the most important European legal acts regarding waste - Council of Europe Directive 75/442 / EEC of 15 July 1975, imposes on member states an obligation to manage waste in a way that does not cause:

- threats to air, water, soil, animals and plants,
- nuisance to the environment related to noise and odors,
- adverse impact on rural areas or areas of special concern.

Both in Poland and in the European Union, there is a waste classification system in which the division of waste into hazardous and environmentally neutral is specified. Hazardous waste is listed in the Union in the Annex to Council Decision No. 94/904 of December 22, 1994. In Poland, the provisions of the legal acts on waste are addressed to all economic entities whose activities contribute to the generation of waste, as well as economic entities commissioned to remove, use or dispose of waste. The provision in the Act also informs that waste can also be produced by organizational units that do not conduct economic activity. Currently, in relation to the problem of waste and its management, the most current are the provisions of the Act of 27 April 2001 on Environmental Protection Law and the Act on maintaining cleanliness and order in municipalities of 13 September 1996, and other laws regarding this area, among others on packaging, transport of hazardous waste, etc. The purpose of the Waste Act is to transpose EU law in this field, which has been negotiated with the Union, into Poland and its standardization. The Act consists of 9 chapters, regulating all the most important issues related to waste, including waste generated by road transport activity.

Bibliography

1. Korzeń, Z., 2009, Ekologistyka, Instytut Logistyki i Magazynowania, Poznań, p.16
2. Logistyka, Kisperska – Moroń D., Krzyżaniak S., Instytut Logistyki i Magazynowania, Poznań 2009, p. 319
3. Szoltysek, J., 2009, Logistyka zwrotna – Reverse Logistics, Instytut Logistyki i Magazynowania, Poznań, p. 61-71.

III. TRADITIONAL CULTURE AND ITS HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION, USE AND DEVELOPMENT

О НОВОМ ПЕРЕВОДЕ “КНИГИ МОЕГО ДЕДА КОРКУДА”

В. Р. Атаханова

*Преподаватель,
Ургенчский государственный
университет,
г. Ургенч, Узбекистан*

Summary. The given article is devoted to considering the peculiarities of preliminary translation of dastans “Kitabi dede Korkood” (“A book by my grandpa Korkood”) into Uzbek. Also the earlier translations of the book and their drawbacks are researched, the value of the new translation is marked.

Keywords: “A book by my grandpa Korkood”; Oguz epos; new translation.

Подлинное название монолитного образца эпоса тюркских народов, который упоминается под такими различными наименованиями, как “Книга моего деда Коркуда”, “Кўркут ота китоби”, “Дада Кўркуд дostonлари”, звучит в форме “Китоби дадам Кўркуд ила лисони тоифаи ўғузон”. В его тексте на основе арабской письменности имя деда Коркуда приведено в виде “Куркуд”. По определению Х. Г. Короглы, правильным представляется форма “Коркуд”, данное имя приспособлено к системе исчисления абжад [1, с. 96].

Название «Книги» на титульном листе состоит из трех слов. Первое – Китаб («Книга»). В слове отсутствует буквенное изображение краткого гласного «и»; следовательно, не имеет цифрового значения. Заменяем буквы их цифровыми символами: К=20; Т=400; В (алиф)=; Б=20. Сумма=423. Второе слово состоит из трех согласных букв: Д а Д а М (краткий гласный «а» не изображается, поэтому не имеет цифрового значения). Д=4; Д=4; М=40. Сумма=48. Третье слово компонента – К У Р К У Д (его можно читать Коркуд). Здесь все буквы с цифровыми значениями: К=100; У (вав)=6; Р=200; К=100; У=6; Д=4. Сумма=416. Сложим цифры всех компонентов, получаем искомую дату: 887 год хиджры, который соответствует 1482 году Юлианского календаря. Эта дата подтверждает прозорливую гипотезу В. М. Жирмунского и его последователей, относящих время написания «Книги» ко второй половине XV века.

Работа по изучению и популяризации “Книги моего деда Коркуда” была начата в первой половине XIX века, первопроходцами в данном аспекте являются немецкие ученые Диц и Нельдеке. Позднее русские ученые В. В. Бартольд, В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов,

А. Ю. Якубовский и другие занимались переводом и исследованием данного произведения. Данное сочинение послужило основой для многих научных исследований, осуществленных турецкими, азербайджанскими, иранскими, туркменскими, казахскими учеными, которые перевели его на свои родные языки. Относительно “Книги моего деда Коркуда” осуществляли плодотворную исследовательскую деятельность, такие видные узбекские ученые, как Т. Мирзаев, Б. Назаров, М. Джураев, Ж. Эшонкул и многие другие. В данном произведении, которое складывалось в течение IX–XIV веков, получило упорядоченную форму в XV веке и состоит из 12 повествований, нашли свое отражение жизнь, этнические процессы тюркских народов в доисламский и позднейший периоды. Как отмечает азербайджанский ученый Маммад Тохир, структура книги из 12 повествований имеет символический характер, здесь чувствуется воздействие таких традиционных формул, как 12 месяцев, 12 созвездий, 12 климатов, 12 имамов. На самом деле не исключено, что число этих дастанов гораздо больше [2, с. 234–240].

Хотя события из эпоса имеют отношение к Кавказу, многие его мотивы перекликаются с дастанами тюркских народов, проживающих в Средней Азии. В этой связи Т. Мирзаев и Б. Саримсаков пишут следующее: “Тюркские племена, переселившиеся с предгорий Алтая и восточного Туркестана, принесли вместе с собой свой эпос. С типологической точки зрения, данный эпос весьма соответствует произведениям типа “Алып-Манап”, сохранившимся среди племени айрат. Отдельные его версии и варианты, сюжетные мотивы, будучи напоены национальными эпическими традициями огузов, пережили процесс самостоятельного развития и послужили основой для возникновения героическим песен, составляющих основу цикла Салор-Қозон. А в XI веке, в период правления сельджукидов, данный цикл перекочевал в Малую Азию и Кавказ и, подвергшись сильной феодализации, сохранился в структуре “Книги моего деда Коркуда” [3, с. 43].

Соответствие мотива прихода мужа на свадьбу своей жены из дастанов узбекского фольклора “Алпамыш”, “Ашик Гариб и Шахсанем” с приключениями Бамси Бейрека из “Книги моего деда Коркуда”, сходность таких образов, как долговязая Бурло хотун, облаченная в желтое Салжан хотун, с деятельностью Хирмондали из одноименного дастана или образом Саёдхон из дастана “Саёд и Ҳамро” представляют собой отнюдь не случайный факт. Данные мотивы, будучи связаны с архаическим эпосом, из фольклора тюркских народов Средней Азии перекочевали на территорию Кавказа, подвергшись переработке.

Эпос “Книга моего деда Коркуда” воплощает в своей структуре ярчайшие образцы героических дастанов. В нем нашли свое воплощение такие прекрасные идеи, как героизм, отвага, мужество, патриотизм, искренняя любовь.

“Книга моего деда Коркуда”, начиная с 1939 года, издается в Азербайджане. Ее турецкая версия издана в 1994 году [4]. В Средней Азии были опубликованы ее переводы на туркменском, казахском языках.

По поводу переводов произведения следует отметить то обстоятельство, что каждый из них имеет свою специфику. Среди них особо выделяется своей цельностью русский перевод В. В. Бартольда. Единственный его недостаток – стихотворная часть переизложена дословно.

Главным недостатком других переводов, осуществленных на языках тюркских народов, является большое количество сокращений текста. Из них были полностью удалены эпизоды религиозного характера, связанные с Богом и пророками различные молитвы и заклинания. Данный аспект имеет определенное отношение и к идеологии советской эпохи. Помимо этого, в каждом национальном переводе наблюдается тенденция к локализации происходящих событий.

Узбекский перевод “Книги моего деда Коркуда” был осуществлен в 2019 году [5]. В данном переводе чувствуется стремление избежать тех недочетов, которые наблюдались в предшествующих вариантах. В качестве основы для него был выбран азербайджанский текст, который был издан в 1999 году в Тегеране [6]. Данный вариант заметно отличается от предшествующих переводов, изданных на тюркских языках, во многом соответствуя тексту перевода В. Бартольда.

В процессе перевода было уделено большое внимание множеству предшествовавших ему вариантов, уместному их использованию и недопущению встречающихся в них недочетов. Особое внимание уделено варианту перевода В. В. Бартольда. В стихотворных отрывках, в соответствии с требованиями рифмы, размера, были сохранены некоторые слова, имеющие отношение к огузскому диалекту, приведено их истолкование.

Текст дан без малейших сокращений. А это, в свою очередь, обеспечило цельный характер перевода данного произведения.

Надлежащим образом прокомментированы слова из текста, представляющие трудность для чтения и понимания, заимствования и выражения из арабского и персидского языков.

Разумеется, любой перевод не может быть лишен определенных недочетов. По этой причине и здесь не удалось их избежать. Однако перевод “Книги моего деда Коркуда” на узбекский язык сам по себе является большим событием.

Введение в книгу статей ученых С. Р. Рузимбаева, Ш. Турдимова, а также приложения, включающего в себя отдельные предания, распространенные в Хорезме и связанные с мотивами “Книги моего деда Коркуда”, весьма повысили ее научную значимость.

Библиографический список

1. Короглы Х.Г. Новые данные о героическом эпосе огузов «Китоби дадам Коркуд». / Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия Р1АС, Ташкент, 1986). –С 96.
2. Мəммəd Tahir. 12-nin rəqəm simvolikəsi və “Kitabi dədəm Qorqud” un 12 boyu. // Filologiya məsələləri. №2, Bakı. 2011 s. 234-240.
3. Мирзаев Т., Саримсоқов Б. Достон, унинг турлари ва тарихий тараққиёти. // Ўзбек фольклорининг эпик жанрлари. – Т. “Фан”, 1981. – С. 43.
4. Dede Korkut kitabi, I, (GİRİŞ – METİN - FAKSİMİLE) ANKARA 1994.
5. “Китоби дадам Кўркуд”, Ургенч, издательство УрГУ, 2019 (перевод С.Р.Рузимбаева).
6. دېدەقورقودداستانلارى ۱۳۲۳. تهران ص ۲۹۲

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕВЦЫ-СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ

С. Р. Рузимбаев
Н. Э. Сабирова

*Доктор филологических наук, профессор,
доктор философии по филологии (PhD),
Ургенчский государственный
университет,
г. Ургенч, Узбекистан*

Summary. The given article is devoted to considering the essence of traditions of singer narrators (Khalfa), characteristic of Khorezm Oasis, the origin of the term “Khalfa” is revealed. Their working activity are analyzed in the aspect of performers of dastan-poetess, performer of dastan-narrator and performer of singer narrator.

Keywords: Khorezm; khalfa; dastan; narrator; poetess; performer.

Эпические произведения узбеков, населяющих Хорезмский оазис, занимают важное место в общеузбекском эпосе. Они обладают специфическими особенностями, требующими специального изучения.

Некоторые аспекты, в частности, исполнение дастанов сказительницами (халфа), определяют своеобразие хорезмской эпической школы. Слово **халфа**, являясь термином из «Авесты», происходит от слова **карпа** (жрец) и означает «читающая песни (гах) с речитативом». Здесь следует отметить, что иногда очень сложно определить соотношение исполнительского и творческого мастерства сказительниц в народных дастанах, так как сейчас очень мало сказительниц, знающих дастаны наизусть. Среди них следует отметить известных сказительниц Ханум-сувчи, (XIX в.) Анабиби Атаджанову – Оджизу (XX в.), которые по памяти исполняли дастаны «Асил и Карам», «Ашик Албанд», «Ашик Наджаб» [1, с. 42].

Включение сказительницами в свой репертуар рукописных экземпляров дастана и их регулярное исполнение плодотворно сказывается на

их индивидуальном творчестве. Поэтому изучение творчества сказительниц-поэтесс требует скрупулезного анализа их литературного наследия.

Сегодня большинство сказительницы занимаются индивидуальным творчеством. По давней традиции в Хорезме на свадьбах сказители выступают во дворе, где собираются мужчины. А сказительницы – в комнатах перед женщинами. Сказительницы, в основном, исполняли любовные дастаны.

Раньше сказительницы не прибегали к музыкальному сопровождению, хотя и пытались исполнять стихи напевно. Сказительница, исполняя дастан, аккомпанировала себе постукиванием пиалы. Затем стали прибегать к помощи дойры. В конце XIX века появились музыкальные инструменты: гармонь и другие, что повысило интерес слушателей к выступлениям сказительниц. Первой стала использовать гармонь Ханум – сувчи Саидамаат кизи.

Здесь следует отметить, что до сих пор нет специальных исследований, посвященных традициям сказительниц, широко распространенным в Хорезме. Лишь в некоторых источниках можно встретить отдельные замечания по их поводу [2, с. 12]. Такие фольклористы, как Х. Зарифов, Дж. Кабулниязов, М. Саидов, Т. Мирзаев высказали ряд интересных суждений по данному поводу, однако они не раскрывают природу и историю искусства сказительниц Хорезма. На наш взгляд, термин «халфа» означает «образованный человек», «учитель». Н. Сабуров в своей статье «Новые песни в репертуаре сказительниц» выделяет две группы исполнительниц: сказительницы, выступающие в сопровождении музыкального ансамбля, и сказительницы-солистки, обходящиеся напевным речитативом. На наш взгляд, школа сказительниц Хорезма подразделяется на три группы: 1. Сказительницы-поэтессы; 2. музицирующие сказительницы; 3. сказительницы-киссахоны, выступающие без музыки, с речитативом.

В первую группу мы включили бы Ханум сувчи Саидахмад кизи, Онабиби Атаджанову – Оджизу, Онажан Сабирову – Анаш-халфа. Эти сказительницы наизусть знали тексты дастанов и мастерски исполняли их. Наряду с этим они занимались художественным творчеством, создавали замечательные песни.

Ко второй группе можно отнести Сарахан Аллабергенову, Пашшахан Матчанову, Сарабиби Джуманиязову, Уллибиби Байджанову.

Они исполняют стихи из дастанов под музыку. Их выступления обычно сопровождает музыкальный ансамбль и танцовщица. Сказительницы этой группы являются просто исполнительницами, но не следует принижать их художественную роль. Ибо они такие способны перерабатывать тексты дастанов, вносить в них свои художественные интерпретации.

В третью группу входят сказительницы, исполняющие дастаны без музыкального сопровождения. Наличие исполнительского мастерства у этой группы сказительниц не обязательно. Они сохраняют давние традиции, в том числе и экзальтацию, восходящую к периоду шаманства.

Кроме этого, если сказительницы первых двух групп выступают, в основном, на свадьбах и иных торжествах, то представительницы третьей группы присутствуют на печальных событиях. Тема невосполнимой утраты превалирует в их творчестве. Эта древняя традиция сохраняется в Хорезме.

Таким образом, роль сказительниц в популяризации народных дастанов среди населения Хорезма ничуть не меньше роли сказителей. Это характерная особенность Хорезмского региона. Поэтессы-сказительницы в наше время не встречаются. Представительницы двух остальных групп пользуются широкой популярностью, передают свое мастерство ученикам.

Библиографический список

1. Зариф Х. в 1930 году записал дастан «Асил и Карам» со слов сказительницы Ханум сувчи. Рукопись хранится в фольклорном архиве ИЯЛ АН РУз, инв. № 42.
2. Хоразм халк кушиклари. –Ташкент, «Фан», 1965. –С.26; Узбек совет фольклори масалалари. – Ташкент. 1970. – С.66-70 и 239; Мирзаев Т. Халк бахшиларининг эпик репертуари. - Ташкент. «Фан», 1979. –С.12.

ХОРЕЗМСКИЕ СКАЗИТЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ

Х. С. Рузимбаев

*Доцент, кандидат филологической наук,
заведующий кафедрой
русского языка и литературы,*

С. С. Атаджанов

*преподаватель,
Ургенчский государственный
университет,
г. Ургенч, Узбекистан.*

Summary. The given article is devoted to analyzing the bard school in Khorezm oasis and local features in their performance. The bard school is divided into northern and southern areas, and they are studied by linking to the ethno genesis of the population of each area.

Keywords: Khorezm; bakhshi (bard); local; features; dastan (epic poem).

В Хорезме существуют две сказительские школы, которые могут стать предметом серьезного исследования [1, с. 14].

1. Традиции школы дастанного творчества Южного Хорезма. Условно центром этой школы можно считать город Хиву. На этой территории проживает население, говорящее на огузском диалекте узбекского языка. В древности их называли сартами. Некоторые отличительные особенности этой школы:

а) сказитель выступает под аккомпанемент гармони или дутара в сопровождении буламончи или гиджакчи. Сказители поют внешним голосом. В последнее время в ансамбль включают вместо дутара рубаб и дополнительно дойру.

б) в репертуаре сказителей главное место занимают дастаны цикл «Гор-оглы» и «Ашик», имеющие рукописные экземпляры. Их выступления рассчитаны на 2,5–3 часа и ведутся на огузском диалекте. Самые известные сказители прошлого – Бола-бахши-Курбанназар Абдуллаев, Кадыр-созчи Каримов, Махмуд Юсупов. В наши время продолжает их традиции Каландар Норматов.

2. Традиции школы дастанного творчества Северного Хорезма. На этой территории, в основном, проживает население, говорящее на кипчакском диалекте. Условно центром этой школы можно считать город Мангыт. Отличительные особенности этой школы:

а) выступление сказителя проходит под аккомпанемент дутара в сопровождении буламончи и гиджакчи. Сказители поют с гортанным голосом. Некоторые сказители предпочитают сольные выступления, а в Южном Хорезме это не принято.

б) в репертуаре здешних сказителей встречаются дастаны, которые не исполняются в Южном Хорезме, например, дастан «Хурлико и Хамро». Записанный мангытским сказителем Турсуном бахши Джуманиязовым, в Хиве не исполняется. Большие по объему, они исполняются в течение 5–6 часов.

Дастаны в Южном Хорезме, в основном, получили распространение на основе письменных источников, а в Северном Хорезме преобладают устные варианты дастанов, которые передаются из уст в уста, от учителя к ученику. Этим и объясняется столь значительное увеличение их объема. Большинство северных дастанов содержит стихотворную концовку, которая отсутствует в южных. На наш взгляд, все вышеуказанные особенности: большой объем, равное соотношение прозаических и поэтических частей дастанов, стихотворные концовки, обусловлены историческими причинами.

Как известно, узбеки осели в Северном Хорезме в начале XVI века. В те времена их дастаны ничем не отличались от традиции дастанов Самаркандского региона (исполнялись гортанным голосом). Но под влиянием местных сказителей переселенцы изменили, прежде всего, манеру исполнения дастанов, стали петь их не гортанным, а свободным внешним голосом. Затем в их репертуаре прочное место заняли иные мелодии, произошли сюжетные сокращения. Но несмотря на это, древние традиции не исчезли. Сказители Мангыта больше внимания уделяют прозаической части дастанов, стремятся сохранить своеобразие в музыке и оранжировке, тщательно подбирают музыкальные инструменты, завершают свое выступление стихотворной концовкой. Так завершал дастаны «Бахрам и Гуландам», «Зевархон», «Фархад и Ширин» сказитель Фазыл Юлдаш оглы. Это подтверждает генетическую связь дастанов Северного Хорезма с дастанами узбеков-кипчаков, кунградцев [2, с. 38].

Таким образом, наличие двух школ, двух направлений в дастанной традиции Хорезма неразрывно связано с этногенетическим составом населения.

Библиографический список

1. Рузимбаев С.Р. Специфика, типология и поэтика хорезмских дастанов. АДД, Ташкент, 1990. – С. 14.
2. Мирзаев Т. Эпос и сказитель. Ташкент, “Фан”, 2008. – С. 38.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.

Е. В. Фомченко

*Аспирант,
Тюменский государственный
институт культуры,
преподаватель,
Детская школа искусств
им. В. В. Знаменского,
г. Тюмень, Россия*

Summary. The article deals with the problem of dance culture development and functioning in XVII–XVIII century in Russia. Such aspects as the changes of folk dance are emphasized in the article. The evolution of dance culture in Russia took place under the influence of increasing needs: historical, political and social changes, in the system of work and life, the world-view of traditional society person as well. The language of dance has evolved, the signs of a new stage of art are appeared.

Keywords: Russian folk dance; traditional culture; dance functions; historical dance.

Период с конца XVII в. являлся переломным временем для России. Новый период развития Российского государства, связанный с именем Петра и его реформами, затрагивал и культурные преобразования, среди них открытие первого публичного театра, учебных заведений, выпуск газет. Ассамблеи, положившие начало балам в России, диктовали новые европейские порядки, правила поведения, формировали вкус, интерес к общественной жизни, меняли мировоззрение общества. Многие исследователи считали ассамблеи первыми русскими балами, где правила поведения регламентировались самим царем. Во время зарубежных путешествий Петр интересовался танцевальным искусством, приглашал иностранных учителей, поощрял интерес приближенных к светским увеселениям. «Подобно многим нововведениям петровского времени, западноевропейский бальный танец внедрялся в дворянский быт путем личного примера царя и даже в приказном порядке, если примеру следовали не слишком охотно... Русская народная пляска из этого быта вытеснялась. Она – преимущественно в ее комедийных разновидностях – сохранялась только в любимых Петром маскарадах и святочных забавах» [8, с. 32].

В формирующейся танцевальной культуре светского общества заметны признаки мировоззрения, характерного для человека нового этапа цивилизационного развития: желание продемонстрировать в танце не сли-

яние и гармонию с природой, а ее изменение, модернизацию и трансформацию.

Так как «культура – это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения, общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [11, с. 44], таким образом, «...преобразование категориальных смыслов, начавшееся под влиянием новых социальных потребностей в одной или нескольких сферах культуры, рано или поздно с неизбежностью отрезонирует в других» [11, с. 73]. Появилась мода на костюмы, отличавшиеся роскошью, но подчас сковывающие движения, диктующие особый стиль исполнения, вырабатывались правила поведения. Развлекательный характер зарождающейся светской танцевальной культуры отражал тенденцию отрицания патриархального уклада жизни, не приносил глубинные смыслы в формирующееся танцевальное искусство.

Под влиянием увеличивающихся информационных потоков в танцевальную культуру русского народа были привнесены новые стили. Результатом заимствования являлось знакомство с западной танцевальной культурой – в России появились новые виды танцев: менуэт, полонез, экосез, аллеманда, контрданс. Но исполняли их в более живой и непосредственной манере – русские исполнители видоизменяли характер танцев в соответствии с национальным темпераментом. Являясь органической составляющей и следствием закономерного и необходимого исторического процесса взаимодействия народов и культур, феномен заимствования распространен в современном языке, в названиях. Применяя функцию заимствования к хореографии, можно сказать, что иноязычная лексика не нарушала самобытности танцевального языка, а лишь пополняла и обогащала его. Во второй половине XVIII в. бальный танец вошел и в русский быт, став доступным не только высшему сословию, но и мелкопоместному дворянству, разночинной интеллигенции. Его исполняли на свадьбах, семейных вечерах, городских балах в непринужденной и естественной манере. В деревнях на святочных посиделках появились новые танцы: кадрили, лансье, полька как заимствованные стили.

Сословно-иерархическая направленность диктовала разделение танца в России на салонный, бальный, развивающийся благодаря ассамблеям и балам достаточно динамично и народный, бытовавший в деревнях. Традиции, прежнее культурное наследие и существовавший в жизни народа прежний вид танца, связанный с традициями, природой, религиозными и языческими практиками, характерный для традиционной цивилизации как бы замкнулись в себе, развивались, преимущественно, внутри крестьянской среды. Оба направления взаимодействовали, их противостояние не было еще жестким: светская культура вплеталась в народный быт, оказывая ощутимое влияние.

В светском обществе происходило и обратное заимствование. Эпоха Елизаветы Петровны привнесла в салонный танец элементы русского танца, объединив две культурные традиции западноевропейскую и русскую. К этой тенденции привела любовь императрицы развлекаться русскими плясками. В репертуаре салонного бального танца появляются «Казачок» и «Русская» как «облагороженный» стиль русского танца, не имеющий западных аналогов. Характер столичных балов приобрел русскую специфику: русский танец выступал как пародия на традицию в светском обществе. Русские национальные танцы исполняли во время маскарадов, и костюмированных балов, и театральных праздников. Два направления народное и светское находились в постоянном взаимодействии. Не только в крестьянском, но и мещанском, и купеческом быту сохранялись пляски и хороводы, являвшиеся составной частью игр, обрядов, празднования календарных праздников. Бытовой танец пополнялся зрелищным разнообразием, свадьбы проходили по традиционному обряду. Сказки, обрядовый фольклор, песенная, танцевальная культура бытовали органично в аутентичных формах. «Свобода самоизъявления породила ценнейшую особенность фольклора – вольную импровизацию в пределах сложившихся в данной местности художественных традиций, основанных на эстетических, нравственных понятиях, воззрениях ее населения. На празднике каждый человек раскрывался с иной стороны, нежели в будни. Не стесняясь, выкладывал он на общий суд свою выдумку и умение ориентироваться в хитросплетениях праздничной пляски. В народной хореографии обязательно присутствует и дух состязания» [10, с. 25–26].

С XVIII века в России появились первые балетные школы, развивался сценический танец, появились балетные спектакли. Танцы изучали в Академической гимназии, в Шляхетном корпусе. Известны имена учителей танцев и манер: Самуил Шмид, Филипп Базанкур, Иоанн Якоб Шмит, Жан Батист Ланде. В Шляхетном корпусе преподавал ученик Ланде – Андрей Алексеевич Нестеров, обучая бальным танцам не только дворянскую молодежь, но и демократические слои, воспитывая из них новых танцевальных учителей. Книга И. Кускова (1794 г.) «Танцевальный учитель, заключающий в себе правила и основания сего искусства к пользе обоюбого пола, со многими графированными фигурами и частию музыки» располагала сведениями о методике преподавания бального танца того времени [2, с. 215].

Открытие первой школы балетного танца Жаном Батистом Ланде в 1738 г., создание Императорского Театра Оперы и Балета в Санкт-Петербурге при Екатерине II определили развитие школы классического танца. Екатерина II, проявлявшая равнодушие к русской культуре, придавала стилизованный характер русской пляске, отдаляя ее от подлинника, вводила русские танцы в комические оперы.

Желание систематизировать, описать, классифицировать танцевальные движения бального танца, открытие и развитие школ, можно связать с появлением особого типа мышления, характерного для человека другого

типа общества, отличающегося от традиционного. «Деятельностно-активный идеал распространяется на сферу социальных отношений» [11, с. 86]. Распространился он и на сферу искусства. «Идеал творческой, суверенной, автономной личности занимает одно из приоритетных мест в системе ценностей техногенной цивилизации» [11, с. 91].

В связи с тем, что Россия вступила на путь европеизации, произошло расслоение ее культуры. «Расслоение единой древнерусской культуры на «высокое», «аристократическое», ученое искусство и народное творчество «простолюдинов» привело к тому, что в последнем продолжали жить, функционировать и «плодоносить» традиции отжившего прошлого» [3, с. 38].

В европейской культуре происходили подобные процессы. В. Н. Прокофьев считает, что «некогда однородная культура» начала расслаиваться на ««высшую» (профессиональную, ученую, в тенденции артистически индивидуализирующуюся) и «низовую», или фольклорную» уже в период возникновения классового общества на предантичной и античной стадии. Дальнейшее расслоение усугублялось процессами «утопания» фольклора: «Он – живое образование, но такое, которое живет далеким, очень далеким прошлым в настоящем, которое живет замедленно по сравнению с динамичным «высоким» искусством, живет, так сказать, «донной» жизнью» [9, с.13].

Сословно-иерархическая направленность диктовала разделение танцевальной культуры в России в XVII–XVIII вв. на салонную, бальную, развивавшуюся благодаря ассамблеям и балам, и народную, бытовавшую в деревнях. С одной стороны, продолжали преобладать древние обрядовые формы танца, связанные с трудовой, практической деятельностью. С другой стороны, с появлением заимствованных стилей появилось новое танцевальное направление, основой которого стало «общение» – возникла бытовая хореография. С развитием школ, театров выделилось направление сценической хореографии, основанной на правилах и канонах.

В связи с тем, что танцевальное искусство получило толчок к развитию в нескольких направлениях: традиционной русской народной хореографии, бальной хореографии и сценической, танец становился не только частью традиционной культуры народа, но и художественной культуры. Испытывая влияние европейского искусства, танцевальная культура России обогащалась появлением бальных, театральных танцев, формировались каноны и школа классического танца. Человек, выделяя себя из природы, воздействовал и видоизменял ее. В отличие от танца традиционного общества, танец на следующем этапе цивилизационного развития потерял синкретичность.

Если в традиционном обществе прослеживалась регулятивная функция народного танца, ее тесная взаимосвязь с жизнедеятельностью человека, то начиная с XVII века, теряя информативную функцию, аутентич-

ность, перерождаясь, танец перестал нести глубинную информацию о народе.

Изменения в характере русского танцевального искусства в России наиболее ярко проявились после реформ Петра I. Угасание деятельности скоморохов с середины XVII в. – носителей народной культуры – привело к ситуации замещения их иными представителями музыкального искусства, оседлые скоморохи перерождались в музыкантов, творческих деятелей на западноевропейский лад. Западная культура была адаптирована к российским условиям.

В танцевальной культуре появилась новая функция – заимствования. Влияние западной культуры привнесло новые танцевальные стили для русского народа. Развиваясь динамично, светская культура была на виду общества, фольклор развивался и поддерживался на периферии, в деревнях. Оба направления взаимодействовали: светская культура вплеталась в народный быт, оказывая осязаемое влияние.

Под влиянием исторических, политических и социальных процессов общество переходило в другую фазу цивилизационного развития, и танцевальная культура русского народа менялась в зависимости от функций, выполняемых ею в обществе.

Библиографический список

1. Богданов Г. Ф. Традиционная русская народная хореография: жанры, формы, композиции (от истоков до начала XX века). – Москва : МГУКИ, 2014. – 444 с. : ил., нот.
2. Васильева-Рождественская М. В. Историко-бытовой танец : учеб. пособие. – Москва : ГИТИС, 2005. – 387 с. : рис.
3. Вторая жизнь традиционной народной культуры в России эпохи перемен / Под. ред. Н.Г. Михайловой. – Москва : ООО «НБ-Медиа», 2011. – 180 с.
4. Ерасов Б. С. Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 591 с.
5. Захаров В. М. Поэтика русского танца: Народная художественная культура регионов России: обряды; песня; танец; костюм; промыслы : дисс ... доктора культурологии : 24.00.01. – Москва, 2004. – 440 с.
6. Захарова Л. Н. Культура как цикл // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / Отв. ред. Д. Л. Спивак. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. Т. 1. – С. 266–273.
7. Захарова Л. Н., Фомченко Е. В. Народный танец в традиционной культуре Руси // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 1А. – С. 118-126.
8. Красовская В. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. – Москва-Ленинград : Искусство, 1958. – 310 с.
9. Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. – Москва : Наука, 1983. – С. 6-28.
10. Слыханова В. И. Русский народно-сценический танец в контексте региональной культуры России: традиции и новаторство : дисс ... канд. культурологии : 24.00.01. – Москва, 2012. – 209 с. : ил.
11. Степин В. С. Цивилизация и культура. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 408 с.
12. Фаминицын А. С. Скоморохи на Руси / Вступит. статья, коммен. и прилож. Н. В. Петров. – Москва : ФОРУМ, 2009. – 400 с. : ил.

“ШАХРИЁР” ДОСТОНИДАГИ ДЕМОНОЛОГИК ОБРАЗЛАР

М. Ф. Матқулиева

Ўқитувчи,
Муҳаммад Ал-Хоразмий номидаги
Тошкент ахборот технологиялари
университети,
Урганч филиали академик литцей,
Урганч, Ўзбекистон

Summary. The given article is devoted to analyzing demonologic activity of characters of the dastan “Shakhriyar”. The role of mythologic horse, divas, peris in the event-driven process is brightened up, their positive and negative types are discussed.

Keywords: “Shakhriyar” dastan (epic poem); demonology Khorezm; diva.

“Шаҳриёр” эпосидаги воқеалар ривожини таъминловчи мифологик образлардан бири аспи жаҳонгир номи билан юритилувчи от образидир. У баъзан жаҳонгир дулдул деб ҳам юритилади.

Аслида эпосни от образисиз тасаввур қилиш қийин. Фольклоршуносликда таъкидланишича, эпосда унинг мифологик, афсонавий ва эпик от деб номланувчи кўринишлари мавжуд. “Шаҳриёр” эпосида унинг мифологик тури учрайди. Чунки бу отнинг илдизи ҳам “Авесто” билан алоқадордир.

“Авесто”нинг “Яшт” китобида осмонда учиб, арава тортаётган отлар ҳақида қайдлар учрайди:

Рух эмган ва абадий,
Учқур тўртта арғумоқ,
Олд туёғи олтиндан,
Орқаси кумуш тақа [1, б. 20].

“Авесто”да отга эътибор жуда кучли. Шу сабабли унда одам исмларига асп-от сўзи қўшиб айтилади: Гершасп, Беварасп, Гуштасп каби. Муқаддас китобдаги Виштасп – асов от эгаси, Аспанжа – отбоз маъноларини билдирадигани [2, б. 77], демак ўша даврда от етиштиришга ҳам жиддий эътибор қаратилган.

“Шаҳриёр” эпосидаги аспи Жаҳонгирнинг илдизларини ҳам ўша мифологик отлар образидан излаш даркор чунки, аспи жаҳонгир ҳам осмонга учади, етти қат ер тагига ҳам киради, тилсимларни очиб беради, башорат қилади, эгасига ўғит-насихат қилади. Бу тоифадаги от образлари жаҳондаги кўплаб халқлар фольклорида турли номлар билан аталиб келинган.

“Шаҳриёр” достонида демонологик образлар сифатида девлар ва парилар ҳам қатнашади. Улар баъзан салбий, баъзан ижобий образ сифатида қайд қилинади.

Достонда девлар Шаҳриёрга ҳомийлик қилишади. Бу вазифани девларга парилар буюришади.

Бундай олиб қараганда, девларни парилардан ажратиб тасаввур қилиб бўлмайди. “Авесто”да девлар ёвуз кучлар сифатида тасвирланади, унинг портрети ҳам хунук тарзда чизилади:

Унга қарши қора дев,
Жунлари туллаб тушган,
Қулоқлари ғирт чиноқ
Қўрқинчли, ёллари йўқ,
Ортида думи ҳам йўқ [3, б. 76].

Шу билан бирга, “Авесто”даги 25 та девнинг орасида Индира деган дев маъбуд (худо) сифатида қайд қилинади. Индира сўзининг асл маъноси ҳам Худо демакдир [4, б. 29.]

Хуллас, девлар сўнгги даврларда инсонга ҳомийлик қилувчи кучларга айланган.

“Авесто”даги парилар ҳақида ҳам ўша фикрни айтиш мумкин. Пари сўзи “Авесто”да паирика тарзида номланади. Улар зардуштийликкача ҳомий куч, зардуштийлик даврида шайтоний куч, ҳозирда эса мифологик бадий образ сифатида яшаб келмоқда [5, б. 44].

“Шаҳриёр” достонида бош қаҳрамоннинг синглиси Анжум пари, севгилиси Шамсун пари тарзида номланади. Анжум парининг ота-онаси инсон. Пари номи унинг гўзаллиги сабабли исмига қўшилган. Шамсун пари эса пари авлодидан. Шу сабабли ҳам у сеҳрли маконда яшайди, теварагида паризодлар жамул жам, девлар эса хизматда.

Достонда тасвирланишича, Шамсун парининг истиқомат қиладиган жойи – “бир кўшки олий осмону фалакда айланур эрди” [6, б. 378]. Неча минг канизақлар, паризодлар “тахти мурассаъ”да ўтирган Шамсун парига хизмат қилар эди. Асарнинг ушбу жойида ҳикоя қилинадиган воқеалар ноҳоятда кучли фантастика асосида баён этилади.

Достон воқеаларида иштирок этувчи Анжум ва Шамсун парилар, афсун ўқиш, эврилиш, жонзотни буюмга айлантириш ва аввалги ҳолатига келтириш каби қобилиятга эга. Ўз навбатида, Анжум пари акаси Шаҳриёрни тошга айланиб қолган жойига эркак қиёфасида етиб бориб, уни озод қиладди. Унинг қиёфасида қаҳрамонлик эпосида иштирок этувчи жасур қизлар тимсоли мужассамлашган. У иккита тоғнинг уруши, аждарҳолар олишуви каби саҳналарда ҳам қатнашади.

Пари образи масаласи ниҳоятда мураккаб. Улар ҳам девлар каби зардуштийлик даврида ёвуз кучлар қаторига қўшилган. Халқ орасида ҳозирда ҳам айрим ҳолларда парининг ёвуз тимсоли тилга олинади.

Элшунос олим Г. П. Снесаревнинг тадқиқотларида таъкидланишича, Хоразм минтақасида яшовчи халқлар орасида эркак ва аёл парилар ҳақида турли ривоятлар бор [7, б. 44–45]. Бу тоифа париларнинг эркаклари гўзал аёлларга, аёллари хушсурат йигитларга ўч бўлиб, уларнинг оилаларини бузар эмишлар. Бундай ақидалар зардуштийлик давридан илгари ҳам бўлганлиги эҳтимолдан холи эмас. Бу мифик образларнинг ёвуз куч

сифатида қайд қилинишининг битта сабаби ўша ривоятлар билан алоқадор бўлиши мумкин.

Мухтасар қилиб айтганда, дев ва пари образлари “Шаҳриёр” достони таркибидаги воқеаларга “жон” бағишлашда муҳим фантастик тасвир сифатида гавдаланади. Албатта, дев ва пари образлари қатнашмайдиган эртақ ва дostonлар жуда кам. Аммо “Шаҳриёр” достонида иштирок этувчи ушбу мифологик образлар ўзларида фантастик тасвирнинг ўта кучлилиги билан алоҳида кўзга ташланиб туради. Масалан, “Гўрўғли” эпосидаги Оға Юнус пари образи тўла инсоний сифатларга эга. Фақат айрим ҳоллардагина эврилиш хусусиятидан фойдаланади. Унинг хизматкор девлари йўқ, фантастик тасвирлар анча ҳаётийлашган. “Шаҳриёр” эпоси қўлёзма тарзда оммалашиб келганлиги сабабли унда архаик тасвир барқарор сақланиб келган. Аммо дев ва пари образлари “Авесто”даги моҳиятидан анча узоқлашган. Бу масалада “Шоҳнома”нинг таъсирини эътиборга олиш лозим бўлади.

Бинобарин, юқоридаги омилларни ҳисобга олганда “Шаҳриёр” достони сюжети “Авесто” қадар қадимий бўлиб, Хоразм минтақасида шаклланган, ривожланган ва эпос тарзида рўёбга чиққан. Унда халқимиз маънавиятининг ранг-баранг қирралари ўз аксини топган.

Библиографик рўйхат

1. Авесто. Яшт китоби. – Т.: Шарқ, 2001, 20-бет (Исҳоқов таржимаси).
2. Зарифов Х.Т. Жанговор от образининг қадимий асосларига доир // Пўлкан шоир. – Т.: “Фан”, 1976. – Б. 77. (65-83)
3. Яшт китоби, 76-бет.
4. Короглы Х.Г. Кўрсатилган асар, 29-бет.
5. Қаюмов О. Пари образининг генезисига доир мулоҳазалар // Ўзбек тили ва адабиёти, 1998, №4. – Б. 44.
6. Ошиқнома, II китоб. Урганч “Хоразм”, 2006. 378-бет.
7. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: «Наука», 1969. 44-45-бетлар.

“АСИЛ ВА КАРАМ” ДОСТОНИНИНГ ГЕНЕЗИСИГА ДОИР

Ў. С. Норбоев

Доктарант,
Урганч давлат университети,
Урганч, Ўзбекистон

Summary. The given article is devoted to considering the genetic basis of the dastan “Asil and Karam”, its motives, related to zoroastrism and par the no genesis. The question of transformation in the result of influence of the religion Islam.

Keywords: “Asil and Karam”; dastan; zoroastrizm; parthenogenesis; evolution; genesis.

Хоразм воҳаси эпик ижодиётнинг қадимий бешикларидан биридир.

“Ҳар бир халқ эпоси энг аввало унинг миллий тарихидаги хотиралар асосида шаклланади [1, с. 209] Шу нуқтаи назардан олиб қараганда кўхна воҳа тарихининг илдизи жуда теран бўлиб. “Авесто” китоби каби қадимийдир. Шу сабабли бу ўлкада кўпроқ романик достонлар оммалашган. Уларнинг замирида эса аксарият ҳолларда “Авесто” ва “Шоҳнома”га хос мифология ўзини намоён қилиб туради. “Асил ва Карам” достони ҳам ўзининг таркибидаги мифологик лавҳалари билан энг қадимги асотирларни ўзида акс эттиради.

Ундаги “Карам образи ошиқларнинг афсонавий “андоза”си бўлиб, маъшуқаси йўлида оғзидан қўшиқ билан қўшилган ҳолда ўт чиқиб, севги алангасида ёниб адо бўлган мўъжизавий ҳалокати билан абадий шон-шарафга чулғанди” [2, с. 206].

“Асил ва Карам” достонидаги олов билан алоқадор лавҳага эътибор қаратилса, асар сюжетининг жуда қадимий эканлиги диққатни тортади.

Бу борада Е. Э. Бертельснинг фикрлари жуда асослидир.

Е. Э. Бертельс “Эрон адабиёти ва маданияти тарихи” китобида кўплаб форсигўй адиблар қаторида XI асрнинг I ярмида яшаб ижод қилган шоир Унсурий ҳақида алоҳида тўхталиб ўтади. Олимнинг таъкидлашича, Унсурий кўплаб лирик асарлар билан бир қаторда учта достон ҳам яратган. Булар-“Вомиқ ва Узро”, “Хинг бут-у Сурх бут” (Оқ санам ва Қизил санам” (бут), “Шодбахру Айнул Ҳаёт” достонларидир [3, с. 24]. Шу нарса характерлики, Унсурий Абу Райхон Беруний билан бирга ишлаб ижод қилган. Унинг учта достонини Беруний араб тилига таржима қилган. Бу асарларни ёзишда Унсурийнинг ўзи ҳам араб манбаларидан фойдаланган. [4, с. 43]. Ушбу достон орасида “Вомиқ ва Узро” алоҳида кўзга ташланиб туради. Бу достон сюжети кейинги асрларда яшаб ижод қилган қатор шоирларни ўзига жалб қилиб келган. Шу нарсани таъкидлаш жоизки, “Вомиқ ва Узро” асарининг муқаддимаси ва хотимасидаги икки лавҳа барча шоирларда деярлик бир хилда берилган.

Асар муқаддимасида бефарзандлик мотиви берилган бўлиб, унда битта олмани эр-хотин бўлиб ейишлари асносида фарзандга эга бўлишади. Бу мотивнинг илдизлари қадимги зардуштийлик динига алоқадор

мифлардаги мотивларга уйқаш келади ва ибтидоий жамиятдаги партогенезис ҳодисаси билан узвий боғланиб кетади.

Е. Э. Бертельснинг кўрсатишича, “Вомиқ ва Узро”даги ушбу лавҳа Озарбайжонда кенг тарқалган “Асли-Карам” достонининг сюжетида яққол кўринади.

“Асли-Карам”да ҳикоя қилинишига кўра, Эрон шоҳининг саройида битта арман руҳонийси яшар эди. Шоҳ ҳам руҳоний ҳам бефарзанд эдилар. Уларнинг аёллари ғойибдан пайдо бўлган битта олмани тенг бўлиб ейишади. Шундан кейин шоҳнинг хотини ўғил, руҳонийнинг хотини қиз фарзанд туғади. Шоҳнинг ўғли руҳонийнинг қизи билан ўзаро севишади. Шоҳ қизни ўғлига сўраганида арман ўз қизини мусулмонга бермаслигини билдиради ва саройдан билдирмасдан қочиб кетади. Карам Аслини излаб бутун Шарқ мамлакатларини дарбадар кезади. Ниҳоят севгилисини топади. Бироқ жисмида ёнган ишқ ўти оғзидан аланга бўлиб отилиб чиқади ва Карам ёна бошлайди, ўт Аслини ҳам ўз гирдобига олиб севишганлар ёниб кулга айланишади. Улар кул бўлиб, абадий бирга қолишади. Асардаги бу мотив севги, ишқ олови сифатида рўёбга чиқсада, аслида у оловнинг покловчи восита эканлигини таъкидловчи ғоядир [5, с. 45].

Куёшга, оловга сиғиниш билан алоқадор ушбу мотивлар ислом дини ғояларига мос келмаганлиги учун Унсурийнинг учала асари ҳам йўқ қилинган. Уларнинг айрим парчалари ва асосий ғояси бошқа муаллифларнинг асарлари орқали бизгача етиб келган. Бу кўҳна ғоялар ёзма адабиётга энг қадиги асотирлар орқали кириб келган.

Юқорида таъкидлаганимиз каби “Асил ва Карам”нинг Хоразмда тарқалган вариантлари ҳам мавжуд.

Достоннинг бу варианты Е. Э. Бертельс китобида берилган мазмундан жиддий фарқларга эга. Йиллар ўтиб зардуштийлик даврида кенг оммалашган сюжет муайян трансформацияга учраган, ислом дини ақидаларини ўз мазмунига тўла сингдира олган. Ундаги муқаддимада партогенезис ҳодисаси тўла барҳам топган. Аммо бефарзандлик мотиви сақланган. Бефарзанд подшо Алининг қабрида тунаб, ундан фарзанд тилайди ва орзусига эришади. Унинг ўғил фарзанди дунёга келади. Улғайиб, шикорга чиққач, ногаҳонда арманилар қароргоҳига келиб, нотаниш қизга дуч келади ва улар ўзаро севишиб қолишади. Бироқ, Асилхоннинг отаси Карамга дини бошқалиги учун қизини беришдан бош тортиб, кўчиб кетади. Шундан кейин Карамнинг дарбадар ҳаёти бошланади. Охир-оқибат армани яшайдиган эл подшосининг тазйиқи билан армани ўз қизини Карамга беришга рози бўлади. Бироқ Асилхонни бирор қўл тегса ёниб кетадиган тарзда тилсимлайди. Натижада у Карам билан учрашиб, ўзаро қўл беришганда олов чиқиб Карам ёниб кул бўлади. Асилхон эса Карамнинг кули устида гумбаз бино қилиб, мужовирлик қилади. 50-60 йиллардан сўнг Асилхон ҳам боқий дунёга қадам қўяди. Ўша пайтда Карам ва Асилхонларнинг руҳи каптар шаклига кириб, бир-бири билан бирлашиб қанот қоқиб учиб кетишади.

Достоннинг финалидаги олов билан алоқадор мотив сақланиб қолган бўлса-да, унинг покловчи хусусияти, ишқ олови эканлиги трансформациялашиб, тилсимлаш тамойилига айланган.

Муқаддима ва хотима Ислом дини ақидалари асосида қайта ишланиб, энг қадимги оташпарастилик билан алоқадор ғоя ўз кучини йўқотган.

Библиографик рўйхат

1. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. –Л.: Наука, 1982. – С. 209.
2. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. –Л.: Наука, 1974. –С.206 (728)
3. Бертельс Е.Э. История литературы и культуры Ирана.-М.: “Наука”, 1988. С. 24.
4. Булгаков П.Г. Гуманитарное наследие Беруни. // Беруни и гуманитарные науки.-Т.: «Фан», 1972. С. 43.
5. Бертельс Е.Э. Кўрсатилган асар, 45-бет.

ТУРКИЙ ХАЛҚЛАР ШЕЪРИЯТИ В.М.ЖИРМУНСКИЙ ТАЛҚИНИДА

Н. А. Раимова

*Тадқиқотчи,
Урганч давлат университети,
Урганч, Ўзбекистон*

Summary. The given article is devoted to viewing the opinions about the origin of the poetry of Turkic people in the works of famous specialist in Turkic philology V. M. Zhirmunskiy “About several problems of the theory of Turkic national poem”. “Turkic heroic epos”. Scientific value of the works by the scientist is estimated.

Keywords: V. M. Zhirmunskiy; “Turkic heroic epos”; the theory of poem.

В. М. Жирмунскийнинг туркий эпик шеърият ҳақида муҳим назарий масалаларни илгари сурган. Унинг «Туркий халқлар шеърияти назариясининг айрим муаммолари ҳақида» [1, б. 23–42] деб номланган мақоласи алоҳида қизиқиш туғдиради. Ушбу мақолада дастлаб туркий шеърият ҳақида яратилган муҳим тадқиқотларга муносабат билдирилади. З. А. Ахметовнинг «Казахское стихосложение», М. К. Хамраевнинг «Основы тюркского стихосложения», Г. М. Васильевнинг «Якутское стихосложение» каби асарларига юксак баҳо берилади.

Ушбу асарлардаги аллитерация, қофия, урғу каби шеърий воситалар ҳақида билдирилган фикрлар умумлаштирилади. Туркий шеърият ҳақида сўз юритилиб, унда «тоник», «силлаба-тоник» хусусиятлар мавжуд, деган фикрга эътироз билдирилади. Хусусан, Т. Ковальскийнинг ушбу масаладаги фикри англашилмовчилик эканлиги таъкидланади.

Туркий шеъриятдаги бўғинлар мутаносиблиги масаласида В. М. Жирмунский козоқ олими З. Ахметовнинг туркий шеъриятдаги эли-

зия (товуш қисқариши) ходисаси мавжудлиги ҳақида билдирган хулосаларига тўла қўшилади. Чунки туркий тилларда, хусусан, ўзбек тилида ҳам бундай хусусият мавжуд. Масалан, «Ола олмай» – «Ололмай» каби.

В. М. Жирмунский мазкур мақоласида ҳам туркий шеърятдаги қисқа – 7–8 бўғинли ва узун 10–12 бўғинли вазнлар ҳақидаги ўзидан олдинги тадқиқотчилар хулосаларини умумлаштиради. Унинг фикрига кўра, қисқа вазн архаик характерга эга бўлса, узун вазнлар кейинги даврлар маҳсулидир.

Шарқшунос олим қофия ва урғу ҳақида гапирар экан, қофиянинг пайдо бўлиши ритмик параллелизмнинг бевосита таъсири натижасида юзага келган бўлиб, дастлаб мисраларнинг бошида, ўртасида келиб, кейинчалик охирида ўрнашиб қолганлигини, урғунинг эса туркий поэзияда умуман йўқлигини таъкидлайди.

Радиқ масаласига келганда В. М. Жирмунский бу воситанинг роман-эпосга ва халқ китобларига хос кўриниш эканини уқтириб, мазкур восита ёзма адабиётнинг таъсири остида пайдо бўлган, деган хулосага келади.

Мақолада туркий шеърятга хос аллитерация усулига ҳам тўхтаб ўтилган. Аллитерация, олимнинг кўрсатишича, шеърдаги параллел қаторларнинг такрори асосида туғилади. Шу жиҳатдан олганда, аллитерация қофиянинг рудиментидир.

В. М. Жирмунский аллитерация воситаси таҳлили жараёнида Г. Дёрфернинг аллитерация туркий халқларга монголлар таъсирида кириб келган, деган фикрига қатъий эътироз билдириб, аллитерациянинг туркий халқлар фольклорига қадимий изи борлигини М.Кошғарий асарларидаги намуналар орқали исботлаб беради.

В. М. Жирмунский «Тюркский героический эпос» асарида «Китоби дадам Қўрқут» эпоси таҳлили жараёнида туркий халқлар эпик шеърят масаласига яна бир бор тўхталиб ўтган. Унинг кўрсатишича, «Китоби дадам Қўрқут» асарини кўчиришда котиблар шеърят қонун-қоидаларига оз бўлса-да, путур етказганлар. Бироқ бизгача етиб келган матнлар орасида Ватикан нусхаси оригиналлик касб этади ва мумтоз эпос шеър тузилиши хусусида муайян хулосаларга келиш имкониятини беради. Матнда келтирилган шеъринг парчалар туркий халқлар эпосининг асосий тамойилларини ўзида сақлай олган. Шеърларда иккидан тортиб, беш, олти ва ундан ҳам ошиқ мисралар ўзаро қофиялашиб, тирадалар ҳосил қилинган. Матн насрий ва шеъринг қисмлардан иборат бўлиб, «Сўйлаш» ва «Куйлаш» орқали ижро этилганлиги сезилиб туради. Бу ҳолат эпосда «Сўй сўйлади»-қўшиқ куйлади; «бўй бўйлади» – ҳикоя қилди, тарзида берилган.

Мисралардаги бўғинлар 4–6 дан тортиб, 14–16 гача боради. Шеъринг мисраларда «Борур эди», «Турар эдим» каби бирикмали қофиялар кўпроқ учрайди. Шеърларда синтактик параллелизмлар ва такрорларга кўплаб дуч келинади. Эпосдаги шеърларда аллитерациялар қофия билан ёнма-ён тарзда келиб, барқарорлашмаган шаклда намоён бўлади.

В. М. Жирмунскийнинг уқтиришича, мумтоз эпосда сажъ элементларига кўплаб мурожаат этилган. Шунингдек, асарда эпик клишелар, стилистик формулалар ҳам ишлатилган. Шеърий мисралардаги қофиялар масаласига келганда шарқшунос олим бу воситанинг бирикмали шакли кўпроқ учрашини қайд қилади.

Тадқиқот ниҳоясида В. М. Жирмунский мумтоз ўғуз эпосининг шеър қонуниятлари «Алпомиш», «Манас» каби туркий эпос намуналаридаги шеърият техникасига умумий жиҳатлари билан мос келишини таъкидлайди.

Туркий халқлар шеър тузилиши борасида маълумот берувчи яна бир тадқиқот М. Ҳамраевнинг «Основы тюркского стихосложения» асаридир [2]. Унда уйғур шеърияти мисолида қофия, вазн ва банд масалаларининг шаклланиш ҳамда ривожланиши жараёни, бошқа туркий халқлар шеърияти билан қиёсланган ҳолда таҳлил этилади.

Қофия ҳақида тўхталар экан, унинг дастлабки илдизларини аллитерация, анафора каби воситалардан ахтаради. Қофиянинг охир – оқибат мисралар охиридан жой олиб, муқим бўлиб қолганини таъкидлайди. Бу масалада «Китоби дадам Қўрқут»даги шеърий парчаларга таяниб иш кўради. Бирикмали қофиялар, тирадалар ҳақида сўз юритади. Кейинги асрларда арузнинг таъсири остида қофиялашиш жараёнининг барқарорлашганлигига эътиборни қаратади.

Тадқиқотчи вазнлар масаласи таҳлилида ёзма ва оғзаки адабиёт материалларига тенг муносабатда бўлади. Уйғур шеъриятининг асосан бармоқ вазнида, кейинчалик эса аруз вазнида тараққий қилганини айтади.

Таҳлил жараёнида муаллиф қозоқ олими З. Ахметовнинг мисралардаги ички ритмик уйғунлик фақат қозоқ ва қирғиз шеъриятига хос хусусиятдир, деган тезисига эътироз билдиради ва бу хусусият барча туркий халқлар шеъриятига тааллуқлидир, деган фикрни илгари суради.

Тадқиқот муаллифи банд ҳақидаги хулосаларини кўпроқ мумтоз адабиёт намуналарига таянган ҳолда таҳлилга тортади. Туяқ жанрига оид бандлар хусусида сўз юритиб, уларнинг келиб чиқишини халқ ижодиётига боғлайди.

Библиографик рўйхат

1. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Вопросы языкознания. – М., 1968. – №1. – С.23-42.
2. Ҳамраев М.К. Основы тюркского стихосложения. – Алма-Ата: изд. АН Каз., 1963.

IV. THE GAME AND GAME CULTURE, PAST AND PRESENT

ОБЕРЕГОВАЯ ФУНКЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУКЛЫ

Е. А. Петрушина

*Научный сотрудник,
Музей «Археология Симбирского края»,
г. Ульяновск, Россия*

Summary. Traditional Russian folk dolls are multifunctional. They were used as toys, ritual attributes, charms. The article considers the talisman function of a traditional Russian folk doll. Examples of the use of amulet dolls in various spheres of life of the Russian people, some rituals and calendar holidays are given.

Keywords: doll; traditional folk doll; amulet; rite; folk calendar.

Традиционная народная кукла является неотъемлемой частью богатейшей культуры русского населения. Из поколения в поколение передавались приемы изготовления разнообразных кукол, верования, предания, связанные с ними, традиции использования в играх, обрядах и ритуалах. Современные мастера продолжают обращаться к теме народной куклы, и не иссякает интерес к ее истории.

Существует множество определений понятия «кукла». Например, В. И. Даль определял куклу как сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного [4, с. 217].

И. А. Морозов в работе «Феномен куклы в традиционной и современной культуре» указывает, что имеются в виду любые антропо- и зооморфные фигурки, употреблявшиеся в традиционных обрядовых и необрядовых практиках и способные в условно-игровых формах заменять человека, выступать в его функции, а также их аналоги в современном быту, в том числе в детских играх [14, с. 10]. Однако он оговаривает, что большинство анализируемых им случаев относится к кукле в узком смысле слова, т.е. «антропоморфному предмету небольшого (не более 30–50 см) размера, изготовленному из различных, в том числе подручных материалов (ткань, дерево, глина, реже камень, плоды и овощи и др.)» [14, с. 11]. Куклу определяют также как знак человека, его игровой образ-символ [3, с. 6].

М. А. Мишина под традиционными куклами понимает антропоморфные предметы, бытовавшие в культурах традиционных обществ, выполнявшие в них магические, обрядовые и иные функции, а также куклы, выполненные современными мастерами в соответствии с региональными традициями, соблюдением конструктивных и цветовых канонов, правил и приемов изготовления» [13, с. 109].

В истории культуры кукла выступает как полифункциональный феномен [15, с. 106]. Традиционные русские народные куклы выполняли разнообразнейшие функции, часто совмещая религиозно-сакральную с игровой [12, с. 109]. Игрушка, сделанная для развлечения ребенка, часто носила обереговую функцию, а кукла, изначально изготовленная как оберег, могла стать игрушкой.

В своем игровом качестве кукла позволяла ребенку войти в мир взрослых и на уровне игры воспроизвести основные события жизненного круга: рождение, вступление в брак, смерть. В то же время кукла являлась атрибутом семейно-бытовых обрядов и праздников народного календаря, а также выступала как магический предмет, защищающий своего владельца от негативных внешних воздействий, голода, болезней, злых духов и т.п. В. И. Дынин в статье «Обережные функции жилища и одежды в русской народной культуре XIX–XX веков» указывает на связь оберегов с самыми разными сторонами жизни традиционного общества, в том числе с производственно-хозяйственной деятельностью, различные формы которой обеспечивали благосостояние людей, с народной медициной, обрядами календарного цикла, семейно-брачной обрядностью [5].

В качестве оберега традиционная кукла широко использовалась в повседневной жизни не только детьми, но и взрослыми. Каждая имела определенное значение и должна была сыграть свою роль в наиболее значимых для человека событиях и сферах жизни – привлечь достаток, способствовать «ладу» в семье, защитить от болезней, нечистой силы, зла.

По старинным русским обычаям, обереговые куклы делались вручную, как правило, из ткани и натуральных материалов – например, в качестве набивки использовалась льняная кудель, душистые травы, зерно, крупы. В славянской традиции процесс создания куклы был сродни ритуалу. Женщина делала куклу-оберег только в определенные дни, начисто, с первого раза, не используя металлические инструменты – ножницы, иглы. Ткань можно было только рвать. Бытовавшие в русских деревнях народные куклы представляли собой условное изображение женской фигуры, основу которой составляло тулово столбообразной формы. Безликость куклы соответствовала еще сохранившейся традиции (поясним, что кукла без лица считалась неодушевленной, следовательно, недоступной для нечистой силы и не могла нанести вред ребенку, который будет с ней играть), а одежда не снималась и органично участвовала в пластике игрушки [18, с. 148]. Кукол старались хранить в специально отведенном для этого месте, ставили в красный угол, прятали в сундук или за печь.

Обереговые куклы призваны были обеспечить защиту еще не родившегося ребенка и затем сопровождали его на протяжении всей жизни. Еще до родов женщина делала из лоскута ношеной одежды (верили, что таким образом кукле передается частичка жизненной силы) куклу-пеленашку и клала в колыбель, а впоследствии рядом с ребенком, чтобы защитить его от злых духов [9, с. 37]. Пеленашка становилась и первой иг-

рушкой, которую малыш держал и рассматривал, поэтому делали ее такого размера, чтобы уместилась в детской руке.

Дети, по слову народной мудрости, воспринимались как «благодать Божья» [8, с. 542], но, тем не менее, процесс рождения связывали с повышенной уязвимостью женщины и ребенка. Согласно поверьям, «во время родин проклятая нечисть так и увивается вокруг хаты, из желания тем или иным способом испортить родильницу, загубить душу новорожденного» [16, с. 77]. Результатом деятельности злых духов с точки зрения «народной физиологии» объяснялись и муки рожаящей женщины. Появившийся на свет ребенок рассматривался как существо нечистое, подверженное влиянию злого духа и его слугителей [16, с. 116]. До крещения ребенок требовал особого внимания и защиты.

В середине XIX века бытовал обряд «кувады». Кувада основана на представлении о переносимости тех или иных действий, состояний с одного лица на другое [6, с. 47]. Отец ребенка в бане, где обычно проходили роды, совершал магические действия, разыгрывал роль рожаящей женщины и выманивал злых духов в предбанник. В предбаннике развешивали тряпичных кукол-кувадок, в которых и должны были вселиться злые духи. После рождения ребенка заново сделанных кувадок подвешивали над люлькой, затем эти куклы становились игрушками.

У славян было распространено поверье о ночнице – ночном зловредном духе, который не давал спать новорожденным [2, с. 423]. Ночницы проникают в дом через окно или дверь, пролезают под колыбелью, стоят у изголовья или залезают в колыбель; бьют, щиплют, дергают дитя, так что оно плачет и не может спать. Для избавления детей от ночницы в числе прочего (купание в настое различных растений, окуривание этими растениями) делали из тряпок или пеленок куклу. По две-три такие куклы ставили на каждое окно, подбрасывали в чужие телеги на базаре [11, с. 396]. Кукла Бессонница заменяла собой младенца, когда произносимый заговор призывал злого духа играть с куклой, а не с ребенком.

Оберегом матери и ребенка является кукла Ведучка – фигурка кормилицы, ведущей, поддерживающей малыша, который недавно начал ходить. При этом конструкция куклы имеет особенность – руки кормилицы и ребенка представляют одно целое.

Некоторые куклы использовались для защиты от болезней. А. Н. Афанасьев писал, что «болезни, как порождение тех же естественных причин: простуды, сырости, томительного зноя и вредных испарений, разносимых буйными ветрами, и как обычные спутники неурожаев, вслед за которыми в древности всегда шествовал мор», причислялись к разряду стихийных демонов [1, с. 463]. Он приводил верования и предания о лихорадках. Это девять или двенадцать крылатых сестер, обитающих в подземельях ада, злые и безобразные девы, чахлые, заморенные, всегда голодные, иногда слепые и безрукие. Верили, что Мороз или Зима выгоняют их, вместе с нечистой силой из ада, и лихорадки ищут себе пристанища по

теплым избам и нападают на «виноватых». О весенних болезнях бытовало представление, что они запираются на зиму в снежные горы (ад) и сидят там до начала оттепелей; когда же солнце сгонит снег и отогреет землю, они, вслед за вешними испарениями, разбегаются по белому свету, тощие, заморенные и с жадностью бросаются на неосторожных [1, с. 464]. По народному календарю со дня Тарасия-кумошника (10 марта) нельзя было спать днем, иначе нападёт Кумоха, т.е. лихорадка. Говорили, кто спит под вечер на Тараса, тот наспит кумоху [17, с. 125]. Кумоха представлялась дородной женщиной, жившей в лесу со своими двенадцатью сестрами. По приказанию Кумохи сестры нападают на расслабившегося человека и не дают ему продыху – ломают, трясут, бросают то в жар, то в холод [9, с. 83–84]. Избавиться от них можно было только заговорами, во время которых изготовляли магических кукол-лихоманок. Их, как правило, было девять, двенадцать или тринадцать, они служили оберегами – приманками для болезни, залетевшей в дом. Верили, что дух болезни, увидев кукол, сделанных из ярких тканей, может перепутать их с людьми и вселиться в одну из них.

Лечебной куклой и оберегом от заболеваний была Кубышка-травница. Считалось, что аромат растений очищает застоявшийся воздух, отгоняет болезнь. Поэтому Кубышку-травницу наполняли душистыми лечебными травами – зверобоем, шалфеем, мятой, душицей. Куклу подвешивали над колыбелью, ставили у постели больного, давали поиграть заболевшему ребенку.

Чтобы успокоить или отвлечь больного или капризничавшего, плачущего ребенка, использовалась кукла Утешница. Делали ее из ярких тканей, на пояс, на руки куклы крепили конфеты. Когда ребенок успокаивался, куклу убирали.

Присутствовали куклы в свадебном обряде. Неразлучники служили оберегом семейного союза, охраняли свадебный поезд – кукол подвешивали под дугой упряжи, когда после венчания молодые ехали в дом мужа. С целью приманить материнскую силу к новобрачной и обеспечить зачатие ребенка, ей на колени клали Пеленашку.

Связь с домом, с семьей помогала сохранить Подорожница. Ее давали мужчине в дорогу, когда он на длительное время покидал дом. В маленькую куклу клали золу – символ домашнего очага, для благополучного возвращения, либо крупу, чтобы был сыт.

Оберегами на достаток, сытость и благополучие выступали Крупеничка (Зерновушка), куклак-Богач, Удачница. В основе Крупенички был мешочек с гречишными зернами. Сев гречихи приходился на день Акулины-гречишницы, 26 июня (по другим данным – за неделю до Акулины или недель позже) [17, с. 176]. Гречиху для посева брали из мешочка, сшитого в виде небольшой куколочки [9, с. 96]. После уборочной страды куклу вновь наполняли гречишным зерном. Из него варили кашу, когда наступал голод. Впоследствии для набивки куклы стали использовать горох, бобы, овес. Куклак-Богач, держащий в руках мешочек, как и Крупеничка, набивался

крупой и зерном. Он символизировал крепкого хозяина. Оберегом достатка и удачи семьи была кукла Удачница с замкнутыми в кольцо руками, внутри которой прятали монетку.

Практически универсальным оберегом является кукла Столбушка. Ее наделяли способностью беречь жилище и хозяйство от зла, от дурного глаза. В конструкцию вносили обереговые знаки и использовали ее в различных обрядовых действиях, в том числе в свадебном и родильном обрядах. Когда отец ребенка исполнял роль роженицы в обряде кувады, Столбушку подкладывали ему взамен младенца для отвода глаз злым духам [7, с. 27].

Хозяйственная деятельность крестьян также являлась объектом защиты. Множество дел было у женщин – приготовление пищи, изготовление одежды, полевые работы, присмотр за детьми. На помощь приходила Десятиручка – фигурка с десятью руками – такую куклу часто преподносили в подарок с пожеланием все успевать.

14 ноября, в день Кузьмы и Демьяна над рабочим местом размещали одноименную куклу. Святые Косма и Дамиан почитались покровителями семейного очага и супружеского счастья. Их называли ремесленниками, считали покровителями мужских ремесел, в частности кузнечного дела (поэтому кукол одевали в фартуки – обязательный элемент «рабочей формы» кузнецов) и женских рукоделий, домашних и полевых работ.

Несколько функций сочетает кукла Крестец. Она использовалась детьми в сюжетно-ролевых играх как мужской образ, играла роль оберега на Крещение. Согласно народной легенде, в ночь под Новый год бесчисленные сонмы бесов выходят из преисподней и свободно расхаживают по земле, пугая весь крещеный народ. «В эти страшные вечера Бог на радостях, что у Него родился Сын, отомкнул все двери и выпустил чертей погулять. И вот черти <...> набросились на все грешные игрища и придумали, на погибель человеческого рода, бесчисленное множество развлечений, которым с таким азартом предается легкомысленная молодежь» [10, с. 193]. Большим грехом считалось ряжение и надевание «хари» – маски. Крестьяне верили, что с маской в человека может вселиться нечистая сила, а освободиться от нее возможно только выкупавшись в проруби после водосвятия. Нечистая сила, боясь соприкосновения с освященной водой, выскакивала из тела, но стремилась вновь вселиться в первого встречного. Чтобы бесовским силам это не удалось, перед купанием делали куклу и втыкали в снег на краю проруби [9, с. 81].

Таким образом, в культуре русского населения традиционная кукла, выполняющая обереговую функцию, играла значимую роль, помогая преодолевать страхи перед окружающим миром, придавая уверенности, успокаивая, способствуя получению знаний о социуме, природе, приобщая к народной культуре.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. – М.: Издательство Эксмо, 2006. – 608 с.

2. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с.
3. Дайн Г., Дайн М. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. – М.: Изд-во «Культура и традиции», 2007. – 120 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т.2: И – О. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 784 с.
5. Дынин В.И. Обережные функции жилища и одежды в русской народной культуре XIX - XX веков // *Filo Ariadne*. 2018. №2. filoariadne.esrae.ru/12-216 (дата обращения: 27.08.2019).
6. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Ленинград: «Наука», 1991. – 207 с.
7. Зимица З.И. Текстильные обрядовые куклы. – М.: Изд-во «Ладога - 100», 2007. – 64 с.
8. Коринфский А. Народная Русь. – М.: Белый город, 2006. – 592 с.
9. Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. СПб.: «Паритет», 2003. – 240 с.
10. Максимов С.В. Русские обряды и суеверия: Нечистая, неведомая и крестная сила; Лесная глушь. – М.: Престиж Бук, 2008. – 576 с.
11. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.
12. Мишина М.А. Кукла как предмет культуры: к постановке проблемы // *Вестник СПбГУ. Серия 9*. 2009. Вып.4. С.109 – 115.
13. Мишина М.А. О знаковой природе и семиотическом статусе традиционной куклы // *Общество. Среда. Развитие*. 2010. №1(14). С.109 – 113.
14. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. – М.: «Индрик», 2011. – 352 с.
15. Пушкарева Т.В. Мир кукол в мире людей: историко-культурный анализ // *Человек. Культура. Образование*. 2015. №4(18). С.100-107.
16. Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // *Этнографическое обозрение*. Издание этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. 1899, №1-2. С. 54 – 132.
17. Русские обычаи и обряды / Автор-сост. Н.А. Юдина. – М.: Вече, 2005. – 320 с.
18. Чаусова А.А. Народная кукла в постреволюционной России: проблема трансформации социокультурной семантики // *Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования*. 2017. №2/3 (21). С. 148 – 151.

V. THE REFLECTION OF THE DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN OPERA

A. V. Danilova

*Candidate of Philosophical Sciences,
Vladimir state University
named after A. G. and N. G. Stoletovs,
Institute of arts and art education,
Vladimir, Russia*

Summary. The article is devoted to the main trends in the development of the domestic Opera genre at the present stage. The author considers contemporary Russian operas from the point of view of themes, literary and plot primary sources and genre interpretation.

Keywords: opera; musical theatre; modern Russian composers.

This article is devoted to the review of the most important phenomena in the development of the Russian Opera genre in recent decades. The period from 1985 to the present time in musicological works is called «the Renaissance of the Opera» [2; p. 21]. It is marked by a marked increase in interest in the Opera of domestic composers and musical theaters. Such a change in the situation is associated with different reasons. As one of the main V. N. Kholopova calls «lifting of ideological pressure», existed under Soviet power [2, p. 21].

«The Renaissance of the Opera» did not remain without attention of musicologists. To the study of Opera art modern Russian composers turn V. N. Kholopov [2], O. V. Komarnicki [1] and others.

Referring to the plots and themes raised by composers in their works, it can be noted that historical themes are still relevant for the domestic opera. Thus, in their operas «The Visions of Ivan the Terrible» (1995) and «The Life and Citizens of the Boyar Morozova and Sisters of Her Princess Urusova» (2006) S. Slonimsky and R. Shchedrin, continuing the traditions of M. Mussorgsky and S. Prokofiev, turn to dramatic pages of Russian history.

Another notable trend in the choice of topics is the numerous examples of references to literary works. These are works by Russian and foreign classics (F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, A. Dumas, G. H. Andersen), writers of the twentieth century (M. A. Bulgakov, V. V. Erofeev). The most popular was the work of Dostoevsky and Bulgakov. Among the best Opera works of this period are such musical interpretations of literary classics as «Lolita» (1994), «Enchanted wanderer» (2002) and «Lefty» (2012–2013) R. Shchedrin, «The Run» (2010) N. Sidelnikov, «Heart of a Dog» A. Raskatov (2010) [2, p. 22].

A special line consists of Opera works dedicated to the issues of art. These are «Gesualdo» by A. Schnittke (1994) and Opera-concert «Exercises and dances by Guido» by V. Martynov (1997), written for the 1000th anniversary of Guido Aretinsky.

Remarkable is the increased interest of domestic composers to children's opera. This genre is especially widely represented in the work of E. Podgayts – «Alice Through the Looking Glass» (1993), «The Last Musician» (1992), opera-ballet «Thumbelina, or Wonderful Flight» (1997), «Lord of the Flies» (1995/2007), «Dwarf Nose» (2003/2009), «The Prince and the Pauper» (2004/2007) and others.

There is a great variety of stylistic and genre solutions in contemporary operas. From large-scale works to chamber works; from works following the traditional Canon, to opuses that blur all the usual features of the Opera genre.

So, the characteristic for large-scale, classical models of the genre of philosophism, to significant subjects and psychologism in the description of the characters retain the «History of Dr. Johann Faust» and «Gesualdo» Schnittke, «The Vision of Ivan the Terrible» Slonimsky, «Lolita» and «The Enchanted Wanderer» Shchedrin, «The Mystery of Apostle Paul» by N. Karetnikov, «The Brothers Karamazov» by A. Holminov, «The Chertogon» and «The Run» by N. Sidelnikov.

The denial of the canons of classical Opera, the search for new in the creation of style and genre mixes are distinguished by the works of V. Tarnopolsky «When time goes out of the banks» (1999) and «On the other side of the shadow» (2006), the Opera «Children of Rosenthal» by L. Desyatnikov (2005) and «Life with an idiot» by A. Schnittke (1992), which embodied postmodern trends. Unique to the world of Opera practices became a mini-Opera by A. Semenov under the title «27 operas» (1999–2001) and the collective Opera «Boxing Pushkin» (V. Tarnopolsky and the group «Plasticity of sound», 2007), «terrible Opera performance» «Tsar Demyan» (L. Desyatnikov, V. Gayvoronsky, V. Nikolaev, I. Yusupov and TPO «Composer», 2001).

This far from complete review of the operas of Russian composers of the past decades convinces us that another turn has taken place in the history of the genre. Opera, with its synthetic nature, entertainment, the ability, on the one hand, to embody grand ideas, and on the other – to reveal the depths of the inner world of a person does not lose its position as one of the main genres of musical art.

Bibliography

1. Komarnicki O. V. Russian Opera of the XIX - beginning of XXI centuries : problems of genre, drama, composition : dissertation ... doctor of art criticism : 17.00.02 / Komarnicki Olga Vissarionovna; [a protection Place: the Rostov state Conservatoire]. – Moscow, 2011. – 757 p.
2. Kholopov V. N. Opera by contemporary Russian composers //international. journal. applied and fundamental research. 2012. No. 5. C. 21-22.

СЛАГАЕМЫЕ ЯЗЫКА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА

А. С. Дахновская

*Преподаватель,
Киевская муниципальная академия
эстрадного и циркового искусств,
г. Киев, Украина*

Summary. An attempt is made to theoretical justification of circus art in terms of artistic content and characteristics of its artistic identity, in addition, theoretical generalization of the features of the language of expressiveness of circus art.

Keywords: circus; language of expressiveness of circus art; terms of artistic solvency.

Необходимость научного осмысления циркового искусства – одного из актуальных во все времена творческих явлений мирового художественного пространства – не вызывает сомнения. Вместе с тем, проблематика искусства цирка не получила должного освещения в научном дискурсе в силу того, что долгое время цирк не представлял предметом академического исследования и достаточного научного интереса. Соответственно, актуализируются попытки осмысления цирка.

Добавим только, что целью нашей работы является не исчерпание бесконечной предметной сферы циркового искусства, а попытка установления связи между слагаемыми его художественной «состоятельности».

Опираясь на методологические работы М. Бахтина, В. Библера, Ю. Борева, А. Зися, М. Кагана, О. Кривцуна, Д. Лихачева, Ю. Лотмана, А. Некрыловой, Й. Хёйзинга, Н. Хренова и др., а также взгляды теоретиков циркового искусства В. Барина, В. Владимиров, Ю. Дмитриева, Е. Кузнецова, С. Макарова, М. Немчинского, В. Сергунина С. Amiard-Chevrel, S. Barre-Meinzer, P. Bouissac, J. Clair, P. Goudard, S. Fagot, A. Serena, P. Tait, S. R. Toole и др., автор осуществляет попытку теоретического обобщения черт языка выразительности циркового искусства.

Следует изначально оговориться, что сегодняшний зрелищный контент, целиком и полностью заполонивший жизнь современника, служит источником осмысления художественных явлений настоящего, среди которых особое место занимают взаимопроникающие связи сценического и циркового искусств, как пути поисков новых художественных форм зрелищного искусства современности, его идейных новаций и полемического, открытого духу времени художественного диалога.

Диалог сценического и циркового искусств, отличающийся особой полнотой эстетической включенности в зрелищный мир, путь к которому лежит через театрализованные пласты жизни, создал свои собственные принципы выразительности художественных высказываний и зрелищно-стилистической лексики.

Нет ни малейшего сомнения в том, что цирк при всём его очевидном родстве с театром, все же иная форма зрелищности, отличающаяся своей спецификой, своим языком.

Главным и определяющим критерием образной выразительности цирка выступает цирковой трюк, как основа циркового искусства, что следует принимать, по мнению А. Житницкого, аксиоматично [1].

«Стоит только внести», как считает В. Владимиров, «в стихию цирковой зрелищности обычность и повседневность обихода или взаимоотношения бытового характера, цирк сразу же теряет свою художественную привлекательность и остроту образного восприятия» [2].

Рассуждая о сущностно-содержательных основах цирка, следует остановиться на позиции А. Житницкого, заключающейся в том, что «трюк в цирке важен не сам по себе – важна его подача, форма, в которой он преподносится зрителям. Невыигрышная подача может испортить даже самый сложный и неожиданный трюк. Значит, на манеже должны быть не просто трюки как таковые, а их осмысленная взаимосвязь. Если прекрасное – явление, которым человек свободно владеет, возвышенное – явление, которым человек пока свободно не владеет, то эксцентрическое – сфера виртуозно-свободного владения трудно осваиваемым предметом. Эксцентричность в цирке не просто форма, а особое художественное содержание, раскрывающее всю власть человека и над животными, и над пространством, и над своим собственным телом, и над своими чувствами. Эксцентричность – расширение сферы свободы человека и свидетельство его безграничной власти над всем миром» [1].

Цирк с его неотъемлемым тяготением к усложнению трюка, конкретизации понятия «риск», с самой потребностью риска, как вызова судьбе, феноменальностью динамики человеческого тела, волевыми интонациям, технически выверенной и ювелирно отточенной стратегией исполнительства, утверждает новые экспрессивно-эффектные принципы художественного синтеза и предстаёт неким «искателем» новых «формул» художественного высказывания, новых путей в искусстве. Соответственно, как виртуозность исполнительской техники, так и образность восприятия трюка, равнозначно выстраивают цирковой язык выразительности.

Резюмируя, можно сформулировать: эксцентричность, обязательно «обёрнутая» в театрализовано-зрелищную «ткань», плюс острота последовательности технического усложнения трюка – слагаемые художественной состоятельности циркового искусства.

Библиографический список

1. Владимиров В. А. Цирк как феномен культуры : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. искусствоведения : спец. 17.00.01 «Театр. искусство» / В. А. Владимиров. – М., 1986. – 23 с.
2. Житницкий А. З. Душа цирка – традиция / А. З. Житницкий // Совет. эстрада и цирк. – 1987. – № 7. – С. 10–11.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СЕМЕЙНОГО ТЕАТРА

С. А. Редкозубова

*Кандидат педагогических наук,
старший преподаватель,
Харьковский национальный технический
университет сельского хозяйства
имени Петра Василенко,
г. Харьков, Украина*

Summary. The work reflects the methodological strategy of understanding the family theater as an integral cultural phenomenon, an independent and distinctive phenomenon in the history of stage culture.

Keywords: the phenomenon of family theater; cultural phenomenon; methodological strategy; approaches to the study of family theater.

Ныне с уверенностью можно констатировать, что с особой остротой возрастает актуальная необходимость осмысления духовно-культурных ценностей человеческого бытия как современности, так и накопленные художественно-историческим опытом, в котором выделяется практически непопавше в зону интересов исследователей особенное культурное явление – семейный театр. Ведущей идеей автора является попытка очертить методологическую стратегию исследования феномена семейного театра, выделить конструктивные подходы и методы его изучения, что может способствовать концептуализации исследуемого явления.

Можно утверждать, что проблематика семейного театра характеризуется исследовательской фрагментарностью и неравномерностью, и весь пласт научного наследия, посвященного изучению творчества семейных театров в контексте театрального процесса можно рассматривать в искусствоведческо-теоретическом фокусе, точнее в плане осмысления теоретических основ театра. Автор опирается на фундаментальные исследования П. Пави, А. Прудникова, Б. Мейсона, Дж. Кохен-Круза и др., в частности на несколько более широкие, чем искусствоведческий угол зрения, взгляды П. Пави и А. Прудникова, раскрывающие феномен семейного театра в качестве его значимости в обществе, институциональной формы и психологического воздействия на людей, кроме того, на искусствоведческие воззрения А. Гвоздева, С. Мокульского, А. Юфита, М. Вебера, Т. Веблена, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др., по мнению которых исследования театра как социально-культурного института необходимо выводить на новый уровень.

Конструктивная методологическая стратегия исследования семейного театра, по мнению автора, предопределяет пересечение родственных дисциплин, в частности: театроведения, искусствоведения, эстетики, культурологии, истории, социологии, педагогики, психологии, этики и ме-

неджмента, что расширяет исследовательский фокус в русле междисциплинарности.

Соответственно, междисциплинарный подход, предусматривающий обращение к методологическим достижениям целого ряда научных дисциплин, с опорой на метод причинно-следственного анализа для сопоставления влияния определенных факторов, может способствовать более глубокому пониманию феномена семейного театра и его места в культуре и театральной истории.

В рамках культурологического подхода, который, по сути, может выстраивать исследовательскую логику и способствовать изучению семейного театра в определяющем контексте социокультурной динамики, весьма продуктивными можно считать следующие методы:

– метод анализа источников с целью осмысления научного дискурса по выбранной проблематике;

– метод структурно-функциональный для выделения в исследуемом социально-культурном явлении структурных составляющих;

– историко-культурный метод, раскрывающий историческую «биографию» феномена и способствующий пониманию, что именно важно с точки зрения его возникновения и развития;

– метод социокультурной детерминации для рассмотрения эволюционного развития феномена семейного театра в свете принципиального влияния на него социокультурных факторов;

– метод конкретно-исторического анализа с целью описания специфики конкретных рассмотренных фактов.

В рамках искусствоведческого подхода эффективными следует считать методы анализа произведения и методы анализа актуального художественного опыта творчества автора, позволяющие рассмотреть художественное своеобразие семейного театра, систематизировать эмпирические факты под углом зрения специфики творческого процесса исследуемого феномена как самобытной формы бытования театрального искусства.

Вместе с тем, на основе общенаучных методов – метода контент-анализа, суть которого заключается в выявлении единиц анализа, и синтезирующего метода теоретического обобщения – могут быть сформулированы искомые теоретические выкладки относительно аспектных нюансов изучаемого феномена семейного театра.

Таким образом, представлено авторское видение конструктивной методологической стратегии исследования феномена семейного театра.

VI. INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГУСЕЙН ДЖАВИДА

С. Г. Гасанова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Бакинский государственный
университет,
г. Баку, Азербайджан*

Summary. Husejn Javid occupying a special role in the Azerbaijan literature and poetry, also was also the publicist. However throughout many years not only publicism, but also features of his life and art were kept a secret from the public and remained out of research. The basic theme of publicistic articles – science and education propagation. These articles were published basically in newspapers "Hagigat", "Acig soz" and "Igbal".

Keywords: literary environment; publicism; ideology; education.

В начале XX века одним из выдающихся деятелей азербайджанской литературы, журналистики и культурной среды был философ, выдающийся драматург, талантливый публицист, опытный педагог Гусейн Джавид. «Занимающий особое место в общественно-художественной мысли Азербайджана Гусейн Джавид в своих произведениях призывал людей к добру, к красоте, к спокойствию, трудолюбию, гуманизму» [3, с. 303]. Наследие Гусейн Джавида обширно и всесторонне, исследование его творчества также охватывают различные аспекты философии, театральных исследований и педагогики. Он тесно взаимодействовал с периодическими изданиями Турции, Ирана, Тифлиса и Азербайджана, и в большинстве этих периодических органов он публиковал свои публицистические произведения, стихи и статьи в различных жанрах.

Первая публицистическая статья Г. Джавида была опубликована в газете «Шарги-рус» от 5 января 1904 года и подписана «Агаи Гусейн Расизаде Нахичевани». Статья была посвящена смерти дорогого учителя М. Т. Сидги, в которой Г. Джавид высоко оценил деятельность учителя в сфере культуры, просвещения, науки.

Далее в газете от 21 мая, 14 июня, 27 августа 1904 года Г. Джавид публикует художественно-публицистические статьи о необходимости открытия новых школ для того, чтобы быть «образованными и получать образование», о широком распространении светских наук в школах и важности изучения родного языка.

В статье под заголовком «Из Урмии» (21 мая 1904) публицист призывает к изучению наук, к прогрессу, ссылаясь на мысли немецких, английских философов, о роли науки в воспитании человека, говорил:

«Научная этика учит нас тому, что такое добро и зло, какая дисциплина преследуется и куда тянется жизнь» [2].

Публицист в последующих статьях неоднократно справедливо отмечал большую роль школы, учителей и семьи в воспитании будущего поколения.

Последующая статья молодого публициста в газете «Шарги-рус» от 27 августа 1904 года под названием «Правда Нахичевани» отличается красноречием. Предложения выделяются большим объемом и сложностью. Наравне с родным языком, автор рекомендует изучение других языков и приходит к следующему заключению: «изучать языки очень важно для того, чтобы быть грамотным и информированным, что необходимо для развития и процветания» [1]. Публицист эту тему в последующем развивал и в газетах «Хагигат» (Правда), «Игбал», «Ачыг соз» (Открытое слово), под заголовком «анализ общественно-политического процесса и пропаганда просвещения».

Первые статьи Г. Джавид подписывал «Расизадэ», «Г. Расизадэ». В период с 1905–1907 годы подпись Г. Джавида можно было встретить в ведущих печатных органах того времени, таких как «Иршад», «Фьюзат».

Большинство публицистических статей Г. Джавида были связаны с деятельностью школ, в которых он работал. К примеру, из статьи, опубликованной в газете «Игбал» становится ясно, что он с 1912 по 1914 годы работал в школе «Иттифаг» в Тифлисе и публиковал статьи об этой школе в издаваемой в Баку газете «Иттифаг». Публицист с этой тематикой выступал и в газетах «Хагигат» и «Ачыг соз». Работая в Тифлисе в школе «Иттифаг» Г. Джавид также интересовался издаваемым там же журналом «Молла Насреддин». Временный редактор журнала Алигулу Гамкюсар при встрече с Г. Джавидом просил его сотрудничать с журналом. После этой встречи в 1913 году в № 8 журнала публикуется стихотворение Г. Джавида, посвященное празднику Новруз.

Г. Джавид, тесно сотрудничая с печатными органами, часто приезжал в Баку. Он, как и Г. Зардаби, Дж. Мамедгулузаде, Ф. Неманзаде, У. Гаджибейли, М. Расулзаде, А. Гусейнзаде, А. Агаоглу и многие другие отражал свои мысли и идеи не только в своих стихах, пьесах, драмах, но и в своих публицистических статьях. Публицистическое творчество писателя, оставившего богатое многомерное литературное наследие, и сегодня имеет большое значение. Эта публицистика была посвящена проблемам, стоящим перед нацией, вопросам глубокой заботы о проблемах нации и служила борьбе тюркских народов.

Библиографический список

1. Джавид Г. Из Нахичевани. Газета «Шарги-рус», 27 августа 1904 г.
2. Джавид Г. Из Урмии. Газета «Шарги-рус», 21 мая 1904 г.

3. Современное положение гуманитарных наук и научно-методологические вопросы литературоведения: материалы Международной научной конференции. Баку, 2010. 553 с.

ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г. Д. Гулиева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Бакинский государственный
университет,
г. Баку, Азербайджан*

Summary. The given research is devoted the analysis of historic facts of an important stage of history of the Azerbaijan journalism – the period of the Azerbaijan Democratic Republic. The majority of journalists of this period were engaged also in press research – M. Rasulzade, M. B. Mamedzade, F. Agazade, D. Hajibejli, H. Ibragim, A. Topchibashev, etc. In the articles they comprehensively analyzed and objectively investigated a way of development of the Azerbaijan press. In the research works written during this period, historic facts have been considered from the point of view of national interests.

Keywords: Azerbaijan Democratic Republic; press; journalism.

Во втором десятилетии XX века превращение печати в институт общественного мнения, в средство борьбы за справедливость, свободу слова, способствовало повышению авторитета в обществе, и в Азербайджане начался процесс совершенствования системы СМИ. Правда, это было очень трудно. Азербайджанское национальное движение, прошедший с большими трудностями путь развития, «начиная от издания органов печати на национальном языке до свободы слова, свободы личности, от автономии национальной территории до независимого государства» [2, с. 172].

В этот богатый общественно-политическими событиями период, национальная печать вступает в новый этап развития и органы печати различных политических партий и обществ начинают функционировать легально. Правительство Азербайджанской Демократической Республики для развития журналистики, укрепления государственных традиций, для обеспечения общественного, политического, культурного, экономического развития страны провело множество демократических реформ.

Создание условий для свободного развития печати в стране привело к переходу азербайджанской печати на качественно новый этап развития, формированию плюрализма идей в обществе и «демократизации большинства печатных органов» [3, с. 47]. Но, к сожалению, этот этап истории был коротким.

Большинство известных публицистов этого периода были так же и политическими деятелями: М. Расулзаде, М. Мамедзаде, А. Топчибашев, Х. Ибрагим, Г. Агаев, Д. Гаджибейли, У. Гаджибейли, Ф. Агазаде и другие.

Их публицистические, литературно-критические статьи, научно-теоретические взгляды на изучение истории азербайджанской журналистики имеют большое значение для общественности. В работах, написанных в этот период, «история периода рассматривалась с точки зрения национальных интересов, и была определена правильная концепция» [1; 6] и эти произведения, статьи в основном принадлежали перу М. Расулзаде, М. Б. Мамедзаде, Д. Гаджибейли, Ф. Агазаде.

Одним из авторов таких интересных и ценных работ является известный публицист, общественный и политический деятель Мирза Бала Мамедзаде. Он написал ряд статей и произведений, анализирующих пройденный путь развития азербайджанской печати. Написанные им в начале XX века два произведения – «Ики ингилаб арасынды» (Между двумя революциями) и «Азербайджан тюрк метбуаты» (Азербайджано-тюркская печать) на азербайджанском языке являются одним из наиболее ценных вкладов в нашу национальную прессу. «Между двумя революциями» была издана в 1918 году в Тифлисе, «Азербайджано-тюркская печать» – в 1922 году в Баку.

Автором впервые охарактеризовавшим периодическое издание Азербайджанской Демократической Республики был борец за независимость Мамед Эмин Расулзаде. Он сыграл важную роль в истории общественно-политической, литературно-культурной мысли Азербайджана. Большая часть его литературно-критических и политических статей посвящалась вопросам деятельности национальной печати, возможностям свободных и независимых СМИ в Азербайджане. В многочисленных его литературных и критических статьях говорится о влиянии печати на социально-политическое, культурное развитие страны. М. Э. Расулзаде высоко ценил журналы «Молла Насреддина» и «Фьюзата», поэтому изучение не только наследия М. Расулзаде, но и всего периода существования Азербайджанской Демократической Республики является одной из важнейших задач, стоящих перед научно-теоретической идеей истории журналистики. Так как исследователи азербайджанской журналистики в советский период обычно критиковали период Азербайджанской Демократической Республики. В результате, по просьбе правящей партии, большинство писателей с национальными мыслями были названы «врагами народа», и подвергались преследованиям, изгнанию и иммиграции. Их творчество, как и их имена, были включены в «черный список», были под запретом, и на долгие годы они были исключены из исследований.

Библиографический список

1. Мамедов Х. Литературная критика Азербайджана на рубеже XIX-XX вв. – Баку, 1999. - 145 с.
2. Мамедов Х. Национальное движение Азербайджана (1875-1918 гг.) (на аз.яз.). - Баку: изд. Сабах, 1996. - 174 с.
3. Рустамова С. (Тохиди). Периодическая печать Азербайджана (1875-1990). Библиография. - Баку: изд. Азернешр, 1993. - 258 с.

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О. В. Медведева

*Кандидат исторических наук, доцент,
Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

Summary. The article describes the main forms of using open archival documents. It is noted how they have changed due to the introduction of information technology in the activities of state archives.

Keywords: archival document; use of archival documents; archive.

Архивные документы незаменимы и в исторических исследованиях, и в жизни каждого конкретного человека, нуждающегося на определенном этапе в подтверждении каких-либо фактов из жизни (например, трудового стажа), изучении истории семьи/рода и т.п. Архивные документы все шире используются не только учеными-историками, но и учителями, студентами, школьниками.

Регулирование доступа к открытым документам Архивного фонда Российской Федерации осуществляются в соответствии с Конституцией РФ, рядом законодательных актов и методических пособий. Конституция РФ гласит, что каждый человек имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Согласно Федеральному закону «Об архивном деле в Российской Федерации» пользователям предоставляется доступ к документам архива через справочно-поисковые средства [2]. «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» выделяют следующие основные формы использования архивных документов: информационное обеспечение пользователей в соответствии с их запросами или в инициативном порядке; предоставление архивных документов пользователями в читальном зале архива; экспонирование архивных документов на выставках; использование архивных документов в средствах массовой информации; проведение информационных мероприятий с использованием архивных документов [3].

Одна из функций государственных архивных учреждений – исполнение запросов социально-правового характера. Предоставление ответов на запросы социально-правового характера осуществляется бесплатно, в виде справок или копий архивных документов, которые впоследствии передаются в органы социальной защиты, пенсионные фонды. Развитие информационных технологий в некоторой степени упростило доступ к архивным документам, примером этого является Единый портал государ-

ственных услуг, с помощью которого можно, не выходя из дома, заказать ту или иную справку.

Выполнение запросов генеалогического характера относится к платным услугам. Ответ на запрос может представлять собой родословное древо, генеалогическую таблицу, совокупность архивных справок и копий документов, устанавливающих родственные связи.

Однако часто необходимую информацию пользователи могут обнаружить и сами, обратившись к сайтам государственных архивов. Российские архивы накопили богатый опыт создания электронных информационных ресурсов. Переведены в электронный формат многие описи, путеводители, справочники, разработаны базы данных, доступные пользователям как в локальном, так и в удаленном доступе. Базы данных на основе метрических книг и ревизских сказок созданы в государственных архивах многих регионов.

Тематический поиск тоже возможен через электронные справочно-поисковые средства. На протяжении многих лет в России функционирует портал «Архивы России», на котором, как правило, ежегодно регистрируется около миллиона посетителей. На портале постоянно пополняется база данных «Путеводители по российским архивам», где размещаются путеводители и справочники по государственным архивам [4]. В планах развития портала «Архивы России» превратить его в более удобную и доступную систему для получения ответов на запросы граждан, касающихся архивной информации.

Мировая практика показывает, что наиболее квалифицированные пользователи работают с архивными документами непосредственно в читальных залах архивов. Для исследователей, занимающихся серьезными проектами, этот способ, естественно, будет являться главным. Но применение информационных технологий несколько изменяет и этот процесс, т.к. активно создаются электронные фонды пользования, которые представляют собой совокупность электронных копий документов Архивного фонда, записанную на цифровые носители, и предназначенную для использования вместо подлинников документов [1].

На портале «Архивы России» и сайтах архивов стали размещаться электронные выставки документов, причем это могут быть крупные совместные онлайн-проекты, включающие тысячи копий текстовых, изобразительных, фото и аудиодокументов (виртуальная выставка «Ленин», интернет-проект «Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию “Мюнхенского сговора”» и мн. др.).

Таким образом, информационные технологии делают архивные документы гораздо более доступными и понятными пользователям, ускоряют процесс поиска, способствуют популяризации истории и архивов.

Библиографический список

1. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом. URL: http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml (дата обращения: 01.08.2019).
2. Об архивном деле в Российской Федерации: Федеральный закон: принят 10.04.2004 №125 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).
3. Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук: Приказ Министерства культуры РФ: принят 18.01.2007. // СПС КонсультантПлюс.- URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).
4. Портал «Архивы России». – URL: <http://www.rusarchives.ru/> (дата обращения: 01.08.2019).

VII. CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND ISSUES OF INTERACTION OF CULTURES IN A GLOBALIZING WORLD

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE MODERN AGE OF GLOBALIZATION

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. At present, there are claims about formation of one global culture that erases national, religious, ethical values. The most complex dialectic of modern intercultural relations suggests that such conclusions are soonish. Globalization tendencies, from a sociocultural point of view, objectively show not so much complete disappearing of national-cultural peculiarities in the very near future, but an impossibility for any civilization of the modern world to exist isolated from other civilizations.

Keywords: globalization; culture; multiculturalism; tolerance; cultural space; cultural differences.

The phenomenon of globalization, understood as a process of formation of an interactive world, is not disputed or questioned. The globalization considered from a sociocultural point of view is often interpreted as a gradual evolution of human culture, connected with deleting of existing national-cultural peculiarities [16, p. 241]. At the same time, researchers indicate as objective display of globalization processes increasing uniformity of consumption subjects, behavioural stereotypes, standardization of skills and techniques of professional activity, universalization of forms of communication of people [12, p. 282–284]. The list goes on. However, understanding the objectivity of the above-mentioned phenomena means that it is also necessary to realize the fact that their presence does not mean a globalization of the deep formations of national cultures and mentality of their representatives. Globalization processes, which are quite quickly in such social spheres of people's joint social activities as economic and information spheres, are much slower in the area of religion [6, p. 18–22], legal affairs [5, p. 139–144], value representations, forms and national traditions [14, p. 39–44].

Global culture as a complex unity of national cultures cannot be a project created and implemented to overcome nations and their cultures. Moreover, philosophical analysis shows that a progress of mankind as a whole in social and cultural development is more related to the diversity of ethnocultural and civilizational traditions, innovative potential of which can be demanded at any

moment as a way to resist destructive values of a globalizing world [15, p. 82–89]. Dialectic of modern civilizational development appears in unity of diversification [11, p. 396–402].

Globalization is denial of all kinds of locality and isolationism. Consequently, a need to find basis and principles of peaceful coexistence among different cultures of multipolar world is immeasurably increasing [10, p. 17–20].

The search of intra-state conflict-free intercultural communication – multi-ethnicity, which has deep social and historical ties is very important. [13, p. 73–78]. It is quite natural that in the conditions of historical multi-ethnicity and interaction of various cultural tendencies the search of grounds for coirrectness is of great importance [9, p. 29–31].

Multiculturalism, which stimulates diversity of cultures, is often called as one of such basis. Multiculturalism as a peaceful co-existence of different cultures is quite naturally associated with tolerance. Tolerance generally is a recognition of values of other cultures members, their ability to do as is common, it is a right to options, it is a confirmation of multiculturalism. Multiculturalism involves tolerance, and vice versa. However, multiculturalism and tolerance do not exclude problems.

Multiculturalism, stimulating a diversity of cultures, is inefficient for the creation of unity (for example, cultural unity in a multi-ethnic group), without which it is difficult to imagine both modern multipolar world and civilizational diversity [3, p. 80–85].

Speaking about tolerance and multicultualism, it should be noted that any culture as a self-organizing integrity seeks self-preservation, survival, realization of its values and meanings. Therefore, culture as an integrity must counteract everything that poses a threat, including assertion and dissemination of nonrelevant ethnic, religious and moral values. [7, p. 123–128].

Culture should protect inevitably its values as a basis of cultural existence. Tolerance and muticulturalism reflect only one side of cultural development and, of course, cannot serve as the only basis for construction of modern cultural area [4, p. 118–124].

An interaction of cultures can be productive when it is subordinate to the dialogue power of genuine life. Dialogue of cultures can lead to the development of principles of solving common human problems, but it will not lead to the creation of one global culture, as it assumes that the parties of a dialogue maintain their differences, act in dialogue differently [8, p. 37–40]. Dialogue involves a preservation of the dialogue parties, but not their mutual absorption or full consolidation.

In the era of globalization, it becomes an imperative to abandon stereotypes about ethnicity, including rather firmly rooted in social and political thinking towards ethnicity only as a source of conflict [2, p. 142–145].

The current situation of intercultural communication requires a transformation of the theory of tolerance, an appeal to new concepts of the interaction of cultures, based not on the idea of domination, but on the idea of

mutual respect and solidarity in order to achieve the goals of survival. The search of new ways of civilizational development strongly dictates the need to unite the efforts of all mankind, solidarity in the broadest sense of the word, which does not create conditions of tolerance, but productive cooperation of all people who realize and consciously preserve their cultural differences [1, p. 83–86].

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
6. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
8. Камалова О.Н., Джигоева Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
10. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 4. - С. 17-20.
11. Колосова О. Ю. Информация в системе управления: социальный аспект // European Social Science Journal. - 2013. - № 12-2 (39). - С. 396-402.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - №9. - С. 241.

REFLECTION OF ORIENTAL CULTURAL BORROWINGS IN RUSSIAN ARTS AND CRAFTS

A. Kozhukhar

*Candidate of Historical Sciences,
Irkutsk Regional House of Folk Art,
Irkutsk, Russia*

Summary. Continuous development of Russian state on the border between Europe and Asia made it a space of intensive intercultural dialogue reflected in various aspects, in arts and crafts as well. Two main directions of cultural borrowings from the East – direct one, through Siberian trade, and indirect one, through European countries and their colonies – are distinguished in this process. Four general tendencies, considering borrowed decorative motifs, materials, and forms, following by new traditions in everyday life, represent complexity and significance of Oriental influence in the evolution of Russian culture. Combination of direct and indirect borrowings from the East made Russian experience of intercultural dialogue with Asian countries unique, and arts and crafts which reflected it became an important material source for researching the subject.

Keywords: Russia; Europe; Asia; cultural borrowings; arts; crafts.

Introduction. During the long period of its history, Russia existed at the cross-road of Western and Eastern cultural influences. Therefore, the fundamentals of its own culture were always under discussion, being considered as more European than Oriental, or vice versa, or as neither European nor Asian, but developing its independent way. None of those points of view denies that Oriental element in Russian culture was strong enough to make it impossible to be ignored. And what is crucial, it was integrated into every segment of Russian existence from the state governing level to the level of common everyday life. There were two ways of cultural borrowings from the East to Russia – a direct one through Siberian trade with Asian countries, and an indirect one through European countries which already were under Oriental influence brought from their colonies. “Eastern ideas of textile, design, construction, and utility have been realized again and again as a positive contribution to the culture of the West” [10, p. 11]. Europe assimilated those ideas and, often with its own interpretation, translated them to Russia. Those two ways correspond to the two variants of Russian Orientalism showing the complexity of intercultural dialogue. Briefly, the idea of these two variants is that they had following features.

For Siberian variant:

- it was based upon direct contacts with Asian countries;
- local population (predominantly merchants) was at first-hand involved into the contacts;
- goods from the East were in general original items, not imitations, and were intended for mostly utilitarian, not just decorative use;
- this variant related to a certain group of countries, including China with Mongolia as its internal territory and Japan.

For Western variant:

- it was common for Western Russian provinces and European countries;
- it covered not all social groups, but marked only the upper class;
- it was very eclectic, so far Orientalism in this case has expanded sense, including Far and Middle East;
- it was one of the most popular topics for the aristocratic collections, where decorativeness overshadowed practical use [22, c. 248].

Therefore, one of the aspects of those processes of cultural interaction is a reflection of Oriental borrowings in Russian arts and crafts, and four key tendencies could be distinguished in it.

New decorative motifs. The first distinguished tendency was to add new Oriental ornamentation patterns into already well developed arts and crafts. For example, there was Chinese and Mongolian influence in Siberian icons of the 17th – early 18th centuries. In the collection of the V. P. Sukachev Art Museum in Irkutsk, Russia, there are icons which could illustrate that – the clouds in the icon ‘John the Baptist’ recall the Chinese ‘Ying-Yang’ symbol, as well as horsemen’s hats in ‘The Miracle of SS Florus and Laurus’ are very similar to Manchurian headwear [13, p. 41, 47]. Another example, a pattern initially spread in the Middle East and later well known all over Europe during the mid-18th – mid-19th centuries as “Paisley” design, in fact a Western imitation of the original ornamentation [5, p. 120], was borrowed also to Russia. Fabrics with this design were imported both ways, from Asia (particularly Turkestan) and through European trade. Significantly influencing traditional Russian textile, especially Pavlovo Posad shawls, the pattern became known as “Turkish motif” and still keeps its popularity nowadays. In the very late 18th – early 19th century, after Napoleon’s campaign in Egypt, France was greatly fond of Egyptian style in ceramics [27, c. 266], furniture making [27, c. 250] and other arts and crafts, and Russia followed that influence. Not only original objects of art or French stylizations of Egyptian fashion came into use in Russia, but also Russian artisans began to replicate them or produce similar items, sometimes just copying French “Egyptian” motifs – for example, there are nice works of Paris and Saint-Petersburg cabinetmakers in the State Hermitage collection to illustrate that [27, c. 250–251]. Sometimes borrowed Oriental motifs transformed traditional Russian crafts completely. That happened to Gzhel ceramics which since the 19th century is well known for its blue on white patterns, but initially and at least till the late 18th century it was multicolored [17, c. 77] and lost its original look after following the chinoiserie fashion which popularized imitation of Chinese blue-and-white porcelain. In Europe this fashion spread in the late 17th century, and in the 18th century it came to Russia where it was adapted by local craftsmen. Thus, Gzhel ceramics not only changed its colors, but was integrated into a range of blue-and-white types of ceramics appeared in Portugal, the Netherlands, and in other countries, in Russia as well, under the influence of chinoiserie [16, c. 359; 24, c. 24]. However, it also happened that Russian craftsmen transformed Oriental items according to Russian traditions. For example, since Muscovy estab-

lished diplomatic relations with Persia in the 16th century, Persian rules often sent gifts to Moscow Tsars. One of those gifts was a throne, initially received by Ivan the Terrible, but in the early 17th century it was altered for Mikhail Fyodorovich by the Kremlin jewelers from the oriental throne to the form of a traditional high-backed armchair [19, c. 12]. In general, Oriental influence in decorative motifs was very strong. Russian Imperial porcelain factory repeated Chinese design in ceramics (see, for example, a vase with lid of the mid-19th century [17, c. 82]). Oriental themes permeate Tagil tray painting (like “Dance in Sultan’s Harem” tray of 1830s-40s [17, c. 36]). Turkish fashion also known as “turquerie” invaded almost all variety of arts and crafts [26]. Even the appearance of different kinds of Russian lacquer (Fedoskino, Palekh) in the 17th-18th centuries is directly connected with attempts of copying and interpretation of East-Asian lacquers [17, c. 142–145].

New materials. The second tendency was that the influence has been reflected in using non-traditional for Russian crafts exotic Oriental materials, for example, coconut which has been used for carving cups and goblets during the 17th-18th centuries. Several items could illustrate that, like a goblet from the collection of the previously mentioned Irkutsk museum [13, p. 163], or a drinking cup with carved inscription in Cyrillic “The coconut of Izot Ivanov, (may he) drink from it for good health” from the collection of the British Museum [4, p. 75]. Such exotic materials for carving could be delivered both through Russia’s own trade contacts with the East, since Russian Oriental trade was significantly intensified in that period, or through indirect trade with European colonies. Sea shells were another exotic Oriental material presented in Russian crafts in the 18th century, also indirectly, through European (French in particular) culture, where using shells for making vessels had a long tradition [7]. “In the eighteenth century shells were still mounted as cups, but changing fashions and the appearance of new habits, such as the increasing use of snuff, led to fresh adaptations” [6, p. 207]. A group of Russian snuffboxes in the collection of the Metropolitan Museum of Art illustrate “the eighteenth-century Russian love for exotic collectibles, chinoiserie, and French culture... The group seems a veritable melting pot of international influences, reflecting in the decorative arts the struggle and aspirations of eighteenth century Russian society” [6, p. 213]. Although cups and goblets of ostrich eggs were not evidenced being made by Russian craftsmen themselves, yet this kind of Oriental influenced items created by European artisans definitely was also introduced to Russian nobility in the 17th century as an exotic good or diplomatic gift. “The presentation of such a cup was extremely rare in international diplomatic practice, since they were so very fragile”, but there are several pieces in the Armoury Museum in Moscow [15, p. 191], so far they also could serve for Russian craftsmen as a source of inspiration if not to repeat exact samples, but to get the idea of experimenting with other exotic materials possibility.

New forms. The third tendency was concerning new kinds of items which European, and later Russian, craftsmen began to make. During the next couple

of centuries from the moment Oriental cultural borrowings entered European and Russian everyday life, some of new items became noticeable markers of Eastern influence. Even transformed from original borrowings to stylizations, with their very appearance in the interior they echoed Oriental fashion. Among them, fan and folding screen must be distinguished first of all. Fan is usually considered as a costume detail and not so often becomes a specific phenomenon to be researched, yet it could be studied as an item which has its own meaning beyond remaining just an accessory [28, c. 3]. Folding fans came to Europe in a process of trade with China and Japan. For the long time Portugal Oriental trade was the main source of their appearance. Direct trade of Northern European countries with China began only after 1600, when the East India Company was founded in England. In 1602 similar company was founded in the Dutch Republic. Since the 17th century role of the main fan provider to European fashion market was taken by France and kept until the early 20th century. In 1660s folding fans finally overshadowed all other types of fans [28, c. 11–12]. On the one hand, European craftsmen began to make their own fans; on the other, fan shape as an ornamental element began to invade many different kinds of arts and crafts, such as ceramics, textile, and jewelry, following the Oriental trend, but often quite simplified in comparison to the original inspirations, therefore researchers talk of “the difference between imitation and translation” (like in Japanese fan-shaped dish and its Viennese replica of the early 18th century from the Metropolitan Museum collection) [8, p. 274]. Fan-shaped items, like boxes, vessels, furnishings, and using fan motif in fabric and painting patterns became popular in Russia, as well as in Europe – even they were produced in Asian countries especially for export to the West. Although “not all the shapes imported were of immediately obvious use in European context. Wall vases of various types are not uncommon among Imari porcelains, and they must have been used more than we would have expected. The folded-fan shape is particularly suited to this purpose” [3, p. 97, 99]. Fans themselves were used in interior design not just as decorative elements, but as specific signs of fashion, often even when the rest of the interior was not kept in Eastern style, so the fan was the only, but quite clear and perceptible symbol of Asian influence. This meaning of fans could be traced through paintings captured scenes of everyday life, like, for example, works by Vladimir Makovsky – “In Master’s Absence” (1911, now in the Yaroslavl Art Museum, Russia [21, c. 28]), where a Japanese fan stuck in a vase is very noticeable among the not so much Oriental interior, and “Conversation” (1880, the V. V. Vereshchagin Mykolaiv Art Museum, Ukraine [23, c. 44]), where a fan is impressively combined with the folk-style dress of a lady in the picture. Both paintings reflect how cultural elements interconnect and merged in daily practices. As for Chinese and Japanese folding screens, they also became popular in Europe in the 17th century, and as in case of fans, important role in their popularization was played by France. In Asia originally folding screens had several ritual functions. In Japan they thought about space as a whole thing, which could not be separated into independent parts, and screen

played an important role in this space as a symbolic barrier. If necessary, it could be moved aside, like any other thing in Japanese house could appear or hide, representing the idea of temporality, frailty of existence. The very appearance of screens in Oriental culture is associated with mythological worldview and ritual practices. The earliest screens brought from China in the 8th century possibly served as borders placed before the entrance of the house to protect it from evil spirits, which, as it was believed, could move only in a straight line. Thus, their way must be blocked. The most common types of this furniture in China were simple screens or triptychs, and in Japan folding screens of two, six, or sometimes eight panels became much more popular [25, c. 170–172]. But in the West those ritual functions were lost, and using of folding screens reduced to just separation of intimacy zones, places of sleeping, washing, and dressing, not allowed to be seen, from the rest of the living space. And of course, folding screens kept their decorative function, which integrated Eastern elements, often stylized, into the interior. As well as in case of fans, a decorative motif of folding screen invade other arts and crafts in Western countries and in Russia. To provide a couple of illustrations of the variety of ways how this motif was used, a Japanese-inspired “bamboo” folding screen-like mirror patented in 1887 [12] or one of the most famous Fabergé eggs containing a stylistically adapted folding screen painted with the images of Danish and Russian palaces inside, presented by Alexander III to his wife in 1890 [9, p. 27–28] could be mentioned. “The folding screen’s popularity in Europe was great, enough so that European cabinetmakers began to make screens of their own. At first these were variations on Asian designs, but soon familiar Western decorative motifs were incorporated” [2, p. 31]. There were also folding screens created with authentic Oriental panels installed into stylized frames made by Western craftsmen, as a result of intercultural synthesis. For example, the English screen of 1867 with Japanese panels in the collection of the Victoria & Albert Museum [14, p. 166–167], which was a wedding present, and though on its panels there are some traditional Japanese good-wishing symbols, carved frame also bears newlyweds’ initials, quotes from the Old Testament and from H. W. Longfellow’s poetry. Thus, two variants in making of folding screens appeared. One of them stayed close to Oriental style, another one adapted screen to the parameters of European interior, reserving certain practical use for it and slightly neutralizing its Eastern features. Yet, the first variant associated with Asian origin of screen “has always been popular and fabricated throughout Europe and America, a reflection of the Western world’s never-ending fascination with the East” [2, p. 34]. Both kinds of screens, imported original Oriental and made by local craftsmen, were in everyday use in Russia, and to the mid-19th century this item became so common that it was mentioned as typically Russian [20, c. 102]. A connection between fan and folding screen has its origins in Oriental culture. Japanese artisans of the early 17th century, for example, famous Tawaraya Sōtatsu, combined these two items in their works. Folding screens with painted fans attached became very popular and promote craftsman’s prosperity. Researchers note that it even influ-

enced the specific “fan-like” structure of Sōtatsu’s screens [25, c. 181]. Therefore, folding screen could also be considered, in the context, as a fan-shaped item. Such items, stylistically and symbolically connected together into one phenomenon, on a level of intuitive interpreted cultural codes, were perceived by European and, subsequently, Russian mind as an Oriental element. Appearance of just a couple of these items in the interior was, and still are, enough to mark the everyday life space as transformed with the influence of periodically actualized Eastern fashion.

New traditions. The forth tendency is that arts and crafts, reflecting cultural borrowings, sometimes also changed traditions and habits. For example, during the 18th-19th centuries tea ware also served as a marker of Oriental influence, quite an eclectic one, because matched complete tea sets were not popular until the mid-18th century. In earlier period there were sets that were a combination of Oriental and Western ware, and it was common practice “to choose items freely for tea services from Japanese, Chinese, and Meissen porcelains” [11, p. 238–239]. Tea services of chinoiserie style were imported from Europe to Russia (significant items of the period now are in collections, for example, of the State Hermitage [11, p. 240], but also they were produced by Russian craftsmen (general evolution of Russian porcelain could be traced through several museum and private collection, such as Raymond F. Piper’s one [1]. Borrowing original Oriental or stylized chinoiserie tea ware as well as reproducing it in Russia is likely connected with an appearance of some new traditions which could illustrate how strong is relation between cultural borrowings, arts and crafts, and everyday life. One of them is drinking tea from a saucer. An opinion is widely spread that it is a Russian, primarily merchant, tradition. The most famous reflection of this tradition in art is the Boris Kustodiev’s “A Merchant’s Wife at Tea” (1918, now in the State Russian Museum [18, c. 26]). But this opinion seems to be wrong, because, on one hand, there’s no convincing text or material source which could prove it, and on the other hand, there are evidences of such tradition existed in Europe earlier than in Russia. It seems that drinking from saucers was common during the initial period of introducing tea to Europe, and perhaps related to Asian tradition of using wide-mouthed cups without handles for tea. This type of porcelain tea ware was imported from the East as well as similarly produced at several European porcelain factories during the early 18th century. Since 1730s they began to produce cups with handles “Handles were necessary once it became taboo to drink from saucers; their emergence may have been linked to the establishment of etiquette for drinking tea” [11, p. 231]. Both types of cups continued to be produced during the 18th century, until cups with handles became more common. But in Russia this process went slower, which is evidenced by literary descriptions of domestic habits and everyday life details. For example, in the episode of Leo Tolstoy’s “War and Peace” related to the early 19th century one of the characters drinks from specifically mentioned Chinese fine porcelain cup without handle [29, c. 104]. It is possible that tradition of drinking tea from saucer was borrowed from Europe, but if there

it turned out very soon to be unacceptable in polite company, in Russia, because of slower cultural reception, it stayed in use much longer.

Conclusion. Thus, four tendencies which reflected Oriental cultural borrowing in Russian arts and crafts cover not only the whole range of artistic manifestations and complete structure of craft from used materials to final look, but also its connection with everyday life. As for translating Oriental cultural borrowings to Russia, the most important roles in that were played by Siberia, a region where direct trade routes to China laid, and by Portugal, the Netherlands, and France, which brought Eastern fashion from their colonies, spread it all over Europe and, indirectly, delivered it to Russia. Later other European countries were involved into the process, but those three made the first steps. Western regions of Russia followed them in passion for the East during the whole imperial period, and Siberian popularity of Oriental fashion came to its peak in the second half of the 19th century. Since Russia is, in a sense, the only country which was under both variants of Oriental influence – through its own trade with the East and through indirect perception of Eastern fashion from Europe, this makes Russian experience of intercultural dialogue with Asian countries unique and deserving more careful study. Items of arts and crafts reflected those two ways of cultural borrowings are one of the most important parts of Russian national heritage and could help in the research as an essential material source.

Bibliography

1. At the Tsar's Table: Russian Imperial Porcelain from the Raymond F. Piper Collection. Milwaukee: Marquette University, 2001. 46 p.
2. Cooper D. Folding Grandeur // Old House Interiors. 1999. Vol. 5. Iss. 1. P. 30-36.
3. Ford B. B., Impey O. R. Japanese Art from the Gerry Collection in The Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1989. 142 p.
4. Franklin S. The Russian Graphosphere, 1450-1850. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 426 p.
5. Karpinski C. Kashmir to Paisley // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1963. Vol. 22. Iss. 3. P. 116-123.
6. Koeppe W. Chinese Shells, French Prints, and Russian Goldsmithing: A Curious Group of Eighteenth-Century Russian Table Snuffboxes // Metropolitan Museum Journal. 1997. Vol. 32. P. 207-213.
7. Koeppe W. Table Snuffbox // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1996. Vol. 54. Iss. 2. P. 40.
8. Le Corbeiller C. China into Delft: A Note on Visual Translation // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1968. Vol. 26. Iss. 6. P. 269-276.
9. Lowes W., McCanless C. L. Fabergé Eggs: A Retrospective Encyclopedia. Lanham: Scarecrow Press Inc, 2001. 286 p.
10. Martin R., Koda H. Orientalism: Visions of the East in the Western Dress. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1994. 96 p.
11. Sakuraba M. Evolution of Porcelain Tea Ware in Europe from Hizen Porcelain Tea to European Porcelain Tea Service // Cultural Reproduction on its Interface: From the Perspectives of Text, Diplomacy, Otherness, and Tea in East Asia. Osaka: Kansai University, 2010. P. 227-242.

12. Stayton K. L., Deese M. The Patented Folding Mirrors of Peter Wiederer's Firm, New York City, 1880s-1995: Technology, Style, and Marketing // Studies in the Decorative Arts. 1995. Vol. 2. Iss. 2. P. 29-47.
13. The V. P. Sukachev Art Museum, Irkutsk. Saint-Petersburg: ARS Publishers LTD, 1993. 242 p.
14. Wilk C. Western Furniture: 1350 to the Present Day in the Victoria and Albert Museum. London: Philip Wilson Publishers Ltd, 1996. 232 p.
15. Zagorodnaya I. English Diplomats at the Court of the Tsars // Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars. New Haven: Yale University Press, 2006. P. 176-194.
16. Васильев А. А. Этюды о моде и стиле. М.: Глагол, 2007. 560 с.
17. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. М.: Бук Хаус, 2006. 180 с.
18. Гордеева М. Великие художники. Т. 28: Борис Михайлович Кустодиев. М.: Директ-Медиа, 2010. 48 с.
19. Государственные музеи Московского Кремля. Оружейная палата. Древние государственные регалии. Путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1979. 16 с.
20. Готье Т. Путешествие в Россию / пер. с фр. и примечания Н. В. Шапошниковой. М.: Мысль, 1988. 396 с.
21. Картинная галерея // 50 художников. Шедевры русской живописи. 2011. № 43. С. 26-29.
22. Кожухарь А. И. Два варианта российского ориентализма в XVIII-XIX вв. // Восьмые востоковедные чтения БГУ. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 246-249.
23. Николаївський художній музей ім. В. В. Верещагіна: Альбом. Київ: Мистецтво, 1984. 144 с.
24. Миловский А. С. Народные промыслы: Встречи с самобытными мастерами. М.: Мысль, 1994. 398 с.
25. Николева Н. С. Ширма – вещь и картина // Вещь в японской культуре. М.: Восточная литература, 2003. С. 169-184.
26. Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760-1840-е. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.
27. Париж – Санкт-Петербург. 1800-1830. Когда Россия говорила по-французски... Каталог выставки. М.: Интеррос, 2003. 336 с.
28. Плотникова Ю. В. Веера в России XVIII – начала XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2005. 28 с.
29. Толстой Л. Н. Избранные сочинения. В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1988. 672 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2019 ГОДУ**

Дата	Название
1–2 октября 2019 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2019 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2019 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2019 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2019 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2019 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2019 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2019 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2019 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2019 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2019 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,107.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the IX international scientific conference
on September 20–21, 2019

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 25.09.2019.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 5.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz